

ЭЛИЗА ВЕЙН

ИМЯ
ПОСЛЕДНЕЙ
ДОЧЕРИ

Дмитрий Уотич

Имя последней дочери

«Автор»

2026

Уотич Д.

Имя последней дочери / Д. Уотич — «Автор», 2026

Прошёл год после падения короля, бросившего вызов самой смерти. Вера и Каэл пытаются построить новую жизнь, пока однажды на их пороге не появляется девушка с серебряными волосами и глазами цвета ночи. Она не помнит собственного имени, но знает, что мир начал забывать своих мёртвых — а вскоре может забыть и живых. За исчезновением имён стоит тайна, связывающая семью Вейров, королеву Серефину и прошлое самой Веры. Чтобы остановить катастрофу, ей придётся встретиться с теми, кого она потеряла, и решить, что значит по-настоящему любить. Но если вернуть человека против его воли — действительно ли это спасение? И можно ли отпустить того, кого боишься потерять навсегда?

© Уотич Д., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Уотич

Имя последней дочери

ИМЯ ПОСЛЕДНЕЙ ДОЧЕРИ

Роман

Глава 1

Вера Эстель поняла, что утро не задалось, когда обнаружила на кухне мёртвую мышь.

Мышь лежала посреди стола, аккуратно сложив передние лапки на груди. Рядом стояла чашка Каэла, а на белой скатерти красовалась надпись, выведенная чем-то похожим на сажу:

ТЫ ОБЕЩАЛ ВЕРНУТЬСЯ.

Вера некоторое время смотрела на неё, надеясь, что надпись исчезнет, если достаточно долго не моргать.

Не исчезла.

— Каэл!

Из соседней комнаты донёсся глухой стук, за которым последовало ругательство. Вера вздохнула. За год совместной жизни она обнаружила, что бывший последний палач королевства способен пережить встречу с древним чудовищем, не дрогнув, но проигрывает битву любому предмету мебели, оставленному не на своём месте.

— Если ты опять оставил сапоги посреди коридора, я выброшу их в реку!

— Это были не сапоги!

— Тогда я выброшу в реку то, чем ты только что ударился!

Через минуту в дверях появился Каэл.

На нём была расстёгнутая рубашка, тёмные брюки и выражение человека, который ещё не решил, стоит ли сегодняшний день того, чтобы окончательно проснуться. Чёрные волосы торчали в разные стороны. На скуле темнел след от удара.

Он выглядел удивительно обыкновенным.

Иногда Вера всё ещё ловила себя на том, что ждёт от него чего-то невозможного: исчезновения в тени, серебряного свечения под кожей, голоса, который заставлял бы свечи гаснуть. Но Каэл больше не был бессмертным палачом. Теперь он мог порезаться, простудиться и получить синяк, если слишком резко повернётся в узком коридоре.

Последнее случалось с пугающей регулярностью.

— Что произошло? — спросил он, заметив мышь.

— Она умерла.

Каэл посмотрел на стол.

— Это я вижу.

— Прекрасно. Значит, твоё зрение всё ещё работает. А теперь объясни, почему у нас на кухне мёртвые животные и послания из прошлого.

Он прочитал надпись.

Улыбка исчезла с его лица.

Вера знала этот взгляд. Она видела его в тронном зале, в подземной усыпальнице и на площади казней. Так Каэл смотрел на вещи, которые надеялся никогда больше не встретить.

— Ты написал это? — спросила она.

— Нет.

— Кто-то из твоих старых знакомых?

— Большинство моих старых знакомых мертвы.

— Учитывая твою биографию, это не самое убедительное оправдание.

Он не ответил.

Каэл осторожно коснулся края скатерти, стараясь не задеть надпись. Затем перевернул мышь.

Под её телом лежала серебряная пуговица.

Вера перестала улыбаться.

Она узнала её сразу.

Пуговица была маленькой, потемневшей от времени, с едва заметным узором в виде раскрытого глаза. Именно такую она видела в одном из своих воспоминаний — в детской комнате под восточным крылом дворца, среди семи кроваток, где были записаны имена детей Серафины.

Там же мальчик с чёрными глазами сказал ей, что она однажды отдала ему пуговицу перед смертью.

Вера тогда решила, что это очередная ложь, порождённая чужими воспоминаниями.

Теперь пуговица лежала на её кухне.

— Каэл.

Он уже смотрел на неё.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Ты ещё даже не спросил, что это.

— Я видел её раньше.

— Где?

Он медленно выпрямился.

— На одежде моей матери.

За окном шумела река. Ветер шевелил занавески, и солнечный свет ложился на стол длинными золотистыми полосами.

Всё выглядело настолько мирным, что Вера внезапно разозлилась.

— Нет, — сказала она.

Каэл нахмурился.

— Что?

— Нет. Мы не будем делать это снова.

— Вера...

— Я серьёзно. Мы не станем бросаться в очередную королевскую могилу только потому, что кто-то решил прислать нам мёртвую мышь. Я не хочу ещё одного древнего договора, ещё одной двери и ещё одного родственника, который оказывается не тем, кем казался.

— Я тоже.

— Отлично. Тогда мы сожжём скатерть, выбросим мышь и забудем об этом.

— А пуговицу?

Вера посмотрела на серебряный предмет.

— Её оставим. Она красивая.

Каэл почти улыбнулся.

И именно в этот момент раздался стук в дверь.

Три удара.

Медленных. Ровных. С одинаковыми промежутками.

Вера посмотрела на Каэла.

— Если там ещё одна мышь, я переезжаю.

— Куда?

— В дом без дверей.

— Удобно. Никто не сможет постучать.

— Каэл.

— Уже иду.

Он направился к двери. Вера последовала за ним, прихватив с кухонного стола нож. За последний год она привыкла не выходить из дома без оружия, хотя Каэл уверял, что в их нынешней жизни оно понадобится разве что для нарезки хлеба.

Его хлеборезные способности не оставляли ей выбора.

Каэл открыл дверь.

На пороге стояла девочка.

Ей было лет десять или одиннадцать. На ней было простое белое платье, слишком тонкое для прохладного утра. Серебряные волосы падали на плечи, а чёрные глаза казались совершенно неподвижными, словно в них отражалась не улица, а глубокая ночь.

На запястье виднелись три красных узла.

Вера узнала её раньше, чем успела испугаться.

Девочка из тумана.

Та, что появилась в тронном зале после смерти Эдварда. Та, что сказала Каэлу, что теперь её очередь жить.

Вера видела её всего один раз с тех пор, как они покинули Эйрвен. На другом берегу реки, в густом тумане. Тогда девочка помахала ей рукой и исчезла, не оставив следов.

Вера не стала рассказывать об этом Каэлу.

Она убеждала себя, что это был обман зрения, остаток магии или просто игра света над водой.

Теперь девочка стояла у их порога.

— Здравствуй, брат, — сказала она.

Каэл побледнел.

— Ты...

— Не начинай с этого, пожалуйста. Я очень долго искала тебя.

Она посмотрела на Веру.

— А ты, значит, Вера.

— А ты, значит, умеешь стучать в двери. Прогресс.

Девочка улыбнулась.

— Мне говорили, что ты смешная.

— Кто?

— Ты сама.

Вера сжала рукоять ножа.

— Когда?

— До того, как умерла.

Ветер за спиной девочки внезапно стих. Не ослаб — именно стих, будто кто-то накрыл улицу невидимым колпаком. Где-то вдали перестала кричать чайка. Даже вода в реке, казалось, потекла тише.

Каэл сделал шаг вперёд.

— Как тебя зовут?

Улыбка девочки погасла.

Она опустила глаза на своё запястье, где три красных узла стягивали кожу.

— Не знаю.

— Что значит — не знаешь?

— Я помню мать. Помню дом. Помню, как ты держал меня за руку, когда было темно. Помню, что однажды ты обещал вернуться.

Она подняла на него взгляд.

— Но имя исчезло.

Вера почувствовала знакомый холод в груди. Так бывало, когда она касалась мёртвого тела и чужая память открывалась перед ней. Только сейчас перед ней стоял живой человек.

По крайней мере, она надеялась, что живой.

— Кто отнял у тебя имя? — спросила она.

Девочка покачала головой.

— Не знаю.

— Эдвард?

— Нет. Он пытался. Но не смог закончить.

— Тогда кто?

Девочка посмотрела на Каэла.

— Ты.

Он отступил, словно она ударила его.

— Я никогда...

— Ты не помнишь, — спокойно сказала девочка. — Это не одно и то же.

Вера перевела взгляд с одного на другого.

— Так. Начнём сначала. Ты утверждаешь, что Каэл отнял у тебя имя. При этом сама не помнишь, как тебя зовут. И ты пришла сюда, потому что...

— Потому что моё имя осталось у мёртвых.

Девочка посмотрела на серебряную пуговицу, которую Вера всё ещё держала в ладони.

— А теперь они начинают забывать.

— Кто?

— Все.

Она произнесла это без драматизма. Просто сообщила факт, который давно перестал её удивлять.

— Сначала исчезают имена на могилах. Потом — в книгах. Потом люди забывают, кого похоронили. Они помнят, что у них был сын, сестра или жена, но не могут назвать их по имени. А потом забывают лица.

Вера почувствовала, как холодеют пальцы.

— Почему ты пришла к нам?

— Потому что Каэл однажды отдал свою смерть, чтобы спасти тебя. А ты вернула ему право жить.

Девочка шагнула через порог.

— Вы оба изменили то, что нельзя было менять.

— Мы уничтожили Эдварда, — сказала Вера. — Освободили души, которые он удерживал. Если что-то пошло не так, это не значит, что мы должны снова всё исправлять.

— Я не прошу вас исправлять прошлое.

Девочка остановилась посреди коридора.

— Я прошу помочь мне найти моё имя.

Каэл закрыл дверь.

Некоторое время никто не говорил.

Потом Вера убрала нож за пояс и указала на кухню.

— Сначала ты поешь.

Девочка удивлённо посмотрела на неё.

— Что?

— Ты выглядишь так, будто не ела несколько дней.

— Я не помню, когда ела в последний раз.

— Вот именно. Потом расскажешь всё, что знаешь. И не смей говорить загадками, если хочешь, чтобы мы тебе помогли.

Девочка кивнула.

— Хорошо.

Она прошла на кухню и села за стол. Увидев мёртвую мышь, поморщилась.

— Фу.

— Наконец-то, — пробормотала Вера. — Хотя кто-то в этом доме реагирует нормально.

Каэл молча убрал мышь, а Вера поставила перед девочкой тарелку с хлебом, сыром и яблоками. Та ела медленно, будто заново училась понимать, что такое голод.

В какой-то момент она остановилась и посмотрела на Каэла.

— Ты постарел.

— На несколько лет.

— Раньше ты не старел.

— Раньше я был идиотом.

Девочка задумалась.

— А теперь?

— Теперь я старый идиот.

Она тихо рассмеялась.

Вера поймала себя на том, что тоже улыбается. Это было странное ощущение: перед ней сидело существо, связанное с самыми страшными тайнами Эйрвена, а она думала о том, что девочке, вероятно, просто нужна нормальная еда и тёплая одежда.

Возможно, так и начиналась обычная жизнь.

Не с великой победы, не с уничтожения проклятия.

С тарелки хлеба и яблок.

— Ты сказала, что помнишь мать, — произнесла Вера. — Кто она?

Девочка перестала жевать.

— Серафина.

Каэл медленно сел напротив неё.

— Серафина умерла.

— Нет.

— Я видел её исчезновение.

— Ты видел, как исчезла её память.

Девочка положила кусочек яблока на тарелку.

— Мама не могла уйти, пока я оставалась за дверью.

Вера почувствовала, как внутри что-то неприятно шевельнулось.

— За какой дверью?

Девочка подняла голову.

— За первой.

В комнате словно стало холоднее.

Каэл побледнел ещё сильнее.

— Нет.

— Ты снова это говоришь, — заметила девочка. — Почему ты всегда говоришь «нет», когда вспоминаешь меня?

— Потому что я помню, что произошло.

— Нет, брат. Ты помнишь то, что тебе оставили.

Она посмотрела на Веру.

— А ты можешь увидеть правду. Тебе нужно только прикоснуться ко мне.

Вера не пошевелилась.

— Ты живая.

— Да.

— Мой дар работает с мёртвыми.

— Я знаю.

— Тогда почему ты просишь меня прикоснуться к тебе?

Девочка медленно подняла руку. На запястье красные узлы едва заметно пульсировали.

— Потому что я уже умирала.

Она положила ладонь на стол.

— И потому что ты была там.

Вера посмотрела на Каэла.

Он не пытался её остановить. Но в его глазах стояла такая тревога, что она впервые за долгое время не захотела немедленно сделать то, чего от неё требовали.

— Если я увижу твоё воспоминание, — сказала Вера, — я не обещаю, что смогу вернуть его тебе.

— Я не хочу, чтобы ты возвращала мне воспоминания.

— А что ты хочешь?

Девочка посмотрела на неё с неожиданной серьёзностью.

— Чтобы ты помогла мне выбрать, кем я стану.

Вера медленно протянула руку.

Она коснулась пальцев девочки.

Мир исчез.

Вера стояла в комнате, залитой белым светом.

Не было стен — только молочная пустота, уходившая во все стороны. Под ногами лежал холодный камень, а впереди виднелась дверь, покрытая тремя красными узлами.

За дверью кто-то плакал.

Вера узнала этот плач.

Она слышала его в подземном городе, в гробнице Серафины, у последней двери, когда Эдвард ещё пытался вернуть себе власть над смертью.

Но теперь плакал не ребёнок.

Плакала женщина.

— Пожалуйста, — шептала она. — Не забирай её.

Вера подошла ближе.

На двери проступили буквы.

Сначала одна.

Потом другая.

Имя возникало медленно, словно кто-то выводил его невидимым пером.

Вера попыталась прочитать, но буквы расплывались перед глазами. Она знала, что имя важно. Знала, что оно должно было принадлежать кому-то, кого она любила.

И всё же не могла его увидеть.

Из темноты за дверью раздался мужской голос.

— У каждого человека должна быть смерть.

— Тогда возьми мою! — крикнула женщина.

— Ты уже отдала её.

Вера почувствовала, как сердце забилося быстрее.

Она знала этот голос.

Эдвард.

Но он был не таким, каким она запомнила его в тронном зале. В его голосе не было ни властности, ни безумия. Только усталость.

— Я не отдам тебе ребёнка, — произнесла женщина.

— Я не собираюсь её убивать.

— Ты собираешься сделать нечто худшее.

За дверью раздался тихий смех.

— Я хочу, чтобы она жила.

— Нет. Ты хочешь, чтобы она никогда не могла уйти.

Вера шагнула к двери.

Красные узлы на ней начали затягиваться.

Женщина заплакала сильнее.

— Каэл, пожалуйста. Ты обещал мне.

Ответа не последовало.

— Каэл!

Тишина.

Затем голос мальчика:

— Я вернусь.

Вера резко обернулась.

На другом конце белой комнаты стоял маленький мальчик с чёрными глазами. В руках он держал деревянную лошадку.

Мальчик с деревянной лошадкой.

Тот, кому Каэл отдал свою смерть.

Но сейчас он выглядел иначе: его одежда была чистой, волосы аккуратно зачёсаны, а на запястье виднелась серебряная пуговица.

Он посмотрел на Веру.

— Ты снова опоздала.

— Кто ты?

— Ты знаешь.

— Нет.

Мальчик вздохнул.

— Ты всегда говоришь «нет», когда вспоминаешь меня.

Он подошёл ближе и протянул ей деревянную лошадку.

— Отдай ей это.

— Кому?

— Сестре.

— Какой сестре?

Мальчик посмотрел на дверь.

— Той, чьё имя ты украла.

Вера попыталась взять игрушку, но пальцы прошли сквозь неё.

Белая комната затряслась.

Красные узлы лопнули один за другим.

За дверью кто-то произнёс имя.

На этот раз Вера услышала его ясно.

Но прежде, чем успела запомнить, свет погас.

Она очнулась на кухне.

Каэл держал её за плечи. Девочка сидела напротив, прижав ладони к груди. На её лице не было ни удивления, ни страха.

Только ожидание.

— Что ты увидела? — спросил Каэл.

Вера попыталась ответить, но не смогла.

Она помнила белую комнату. Помнила дверь. Помнила женщину, которая просила не забирать у неё ребёнка.

И мальчика с деревянной лошадкой.

Но имя...

Имя исчезло.

Вера посмотрела на девочку.

— Я слышала его.

— Чьё?

— Твоё.

Девочка затаила дыхание.

— И?

Вера закрыла глаза, пытаясь удержать ускользающие звуки.

Ничего.

Она не могла вспомнить ни одной буквы.

— Прости, — прошептала она.

Девочка опустила голову.

Каэл крепче сжал плечи Веры.

— Это не твоя вина.

— Не говори за меня, — резко ответила она.

Он отпустил её.

Вера поднялась из-за стола и прошлась по кухне. Ей нужно было движение, воздух, хоть что-то, что помогло бы собрать мысли.

— Я видела Эдварда, — сказала она. — Но это было до того, как он стал тем, кем мы его знали. Он говорил с какой-то женщиной. Она просила не забирать ребёнка.

Каэл молчал.

— Она назвала тебя по имени.

— Вера...

— А потом я увидела мальчика с лошадкой. Он сказал, что я украла имя у его сестры.

Каэл побледнел.

— Что ещё?

Вера посмотрела на девочку.

— Он попросил отдать ей лошадку.

Девочка медленно подняла голову.

— Какую лошадку?

— Деревянную. Старую, с трещиной на боку.

Девочка закрыла глаза.

Её пальцы задрожали.

— Я помню её.

— Ты знаешь, где она?

— Нет. Но я помню, как держала её. Помню, что однажды сломала ножку и плакала, потому что думала, что брат больше не сможет на ней ездить.

Каэл смотрел на неё, не двигаясь.

— У меня никогда не было сестры, — произнёс он.

Девочка открыла глаза.

— Вот почему ты меня забыл.

— Я помню Серафину. Помню Элиану. Помню Веру.

— Ты помнишь тех, чьи имена остались в истории.

Она встала.

— А меня ты забыл.

Вера посмотрела на три красных узла на её запястьях. Теперь они были почти чёрными.

— Что случится, если мы не найдём твоё имя?

Девочка долго молчала.

— Я исчезну.

— Умрёшь?

— Нет. Это было бы проще.

Она подошла к окну.

— Сначала меня перестанете помнить вы. Потом меня перестанут помнить все остальные. А когда не останется никого, кто помнит, что я существовала, мир станет таким, каким его хотел видеть отец.

— Мир, в котором смерть принадлежит тому, кто сильнее, — тихо сказал Каэл.

Девочка кивнула.

— И в котором никто не может уйти, если кто-то другой этого не хочет.

Вера посмотрела на Каэла.

Они оба понимали, что это значит.

Эдвард был мёртв.

Но его последняя ошибка продолжала жить.

— Хорошо, — сказала Вера.

Девочка обернулась.

— Что?

— Мы найдём твоё имя.

— Почему?

Вера задумалась.

Потому что девочка была связана с её прошлым? Потому что Каэл не мог вспомнить собственную сестру? Потому что мир снова оказался на грани катастрофы?

Нет.

— Потому что ты пришла к нам, — ответила она. — А я не собираюсь оставлять ребёнка одного только потому, что его история неудобна.

Девочка посмотрела на неё.

Впервые за всё утро в её чёрных глазах появились слёзы.

— Спасибо.

Вера кивнула.

— Но есть одно условие.

— Какое?

— Никаких загадок за завтраком. Если хочешь, чтобы мы тебе помогли, придётся рассказывать всё, что помнишь. Даже если это кажется неважным.

Девочка вытерла глаза рукавом.

— Хорошо.

— И второе.

— Есть ещё второе?

— Разумеется. Ты будешь жить здесь, пока мы не разберёмся с происходящим. Я не собираюсь отпускать тебя одну неизвестно куда.

Каэл посмотрел на Веру.

— Ты уверена?

— Нет.

— Тогда почему...

— Потому что я уже сказала, что помогу ей.

Он помолчал.

Затем кивнул.

— Хорошо.

Девочка осторожно улыбнулась.

— Значит, я могу остаться?

Вера указала на стул.

— Можешь. Но если будешь оставлять мёртвых мышей на столе, я отправлю тебя спать в сарай.

— Это была не я.

— А кто?

Девочка посмотрела на Каэла.

— Он обещал вернуться.

Вера медленно повернулась к нему.

Каэл устало прикрыл глаза.

— Я начинаю ненавидеть это утро.

Вечером, когда девочка уснула в комнате наверху, Вера обнаружила на кухонном столе новую надпись.

На этот раз её вывели не сажей, а тонкой полоской засохшей крови.

ПЕРВОЕ ИМЯ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ МЁРТВЫМ.

Под надписью лежала серебряная пуговица.

Вторая.

Вера позвала Каэла.

Он долго смотрел на стол, затем осторожно взял пуговицу и перевернул её.

На обратной стороне были выгравированы две буквы.

С. Э.

— Серафина Эйрвенская, — прошептала Вера.

Каэл покачал головой.

— Нет.

— Опять?

— Это не её инициалы.

Он поднёс пуговицу к свету.

— Серафина никогда не носила такие застёжки. Я помню её платья. Помню украшения. Помню кольца, которые она надевала, когда шла к королю.

— Тогда чьи это инициалы?

Каэл не ответил.

Он смотрел на буквы так, словно они были дверью, за которой его ждало нечто гораздо более страшное, чем смерть.

— Каэл?

— Я не знаю.

Он положил пуговицу на стол.

— Но я знаю, где мы можем найти ответ.

— Где?

Каэл посмотрел в сторону окна.

За рекой, на противоположном берегу, лежал старый город, которого не было ни на одной карте Эйрвена. Город, куда не заходили живые и откуда не возвращались мёртвые.

— В архиве хранителей, — сказал он. — Если он ещё существует.

Вера посмотрела на тёмную воду.

— А если нет?

Каэл взял её за руку.

— Тогда будем искать дальше.

Она сжала его пальцы.

Впервые за год Вера снова почувствовала страх перед неизвестностью.

Но на этот раз страх не заставлял её отступать.

Он напоминал, что впереди есть дорога.

И что она ещё не закончилась.

Наверху девочка во сне произнесла слово, которого никто не услышал.

Три красных узла на её запястье затянулись.

А в далёком городе, которого не существовало на картах, зазвонил колокол.

Он звонил по имени, которое мир уже начал забывать.
И с каждым ударом одна могила становилась пустой.

Глава 2

Утром Вера обнаружила, что забыла лицо собственной матери.

Она помнила её руки — тонкие, с коротко остриженными ногтями. Помнила запах сушёных трав, которыми мать набивала маленькие полотняные мешочки от моли. Помнила голос, негромкий и чуть хрипловатый, особенно по вечерам, когда та читала ей сказки при свете свечи.

Но стоило Вере попытаться представить лицо, как память рассыпалась на отдельные, никак не связанные друг с другом детали.

Светлая прядь волос.

Тень у виска.

Улыбка, которую она не могла восстановить целиком.

Вера сидела на краю кровати, сжимая в ладонях старую фотографию, найденную среди вещей, которые привезла из нижнего города. На снимке она стояла рядом с женщиной в тёмном платье. Женщина обнимала её за плечи, а Вера, совсем маленькая, смотрела в объектив с выражением человека, которому только что запретили лезть в чужой шкаф.

Это была её мать.

Вера знала это так же точно, как знала собственное имя.

И всё же лицо женщины на фотографии казалось чужим.

— Нет, — прошептала она.

Слово прозвучало слишком громко в утренней тишине.

Вера провела пальцем по краю снимка. Бумага была старой, уголки потемнели, но изображение сохранилось хорошо. Никакой магии, никаких серебряных нитей, никаких следов вмешательства.

Только пустота там, где должна была находиться память.

Она вспомнила вчерашнее прикосновение к девочке. Белую комнату. Дверь с тремя красными узлами. Женщину, умолявшую Каэла не забирать ребёнка. Мальчика с деревянной лошадкой.

И собственное чувство, будто кто-то вырвал из её головы слово, которое она почти успела произнести.

Вера убрала фотографию в ящик.

Она не собиралась рассказывать Каэлу о случившемся, пока не поймёт, что именно теряет. Он и без того смотрел на девочку так, словно пытался разглядеть за её лицом собственную вину.

А Вера слишком хорошо знала, к чему приводит Каэлова вина.

К попыткам всё исправить.

К решениям, которые он принимал за других.

К жертвам, которых никто не просил приносить.

В этот раз она не собиралась позволить ему превратить чужую жизнь в очередную расплату за прошлое.

Девочку звали никак.

По крайней мере, именно так она ответила, когда Вера спросила об этом за завтраком.

— Очень удобно, — заметила Вера, ставя перед ней чашку молока. — Значит, если я захочу тебя позвать, мне придётся свистеть?

— Можешь придумать мне имя.

— А если я выберу что-нибудь ужасное?

Девочка пожала плечами.

— Тогда я буду ужасной девочкой с ужасным именем.

Каэл, сидевший у окна, поднял голову.

— Не нужно придумывать ей имя.

Вера посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, что произойдёт.

— Если ты надеешься, что она однажды вспомнит его сама, то, кажется, мы уже выяснили: память ей не поможет.

— Я не это имел в виду.

— А что?

Каэл замолчал.

Девочка наблюдала за ними, держа чашку обеими руками.

— Он боится, — сказала она.

Каэл медленно повернулся к ней.

— Я не боюсь.

— Боишься.

— Тебе не следует говорить о том, чего ты не понимаешь.

— А тебе не следует притворяться, что ты понимаешь всё.

Вера едва заметно улыбнулась.

— Мне она начинает нравиться.

— Это тревожный признак, — сухо ответил Каэл.

Девочка посмотрела на него с таким искренним удивлением, что Вера не выдержала и рассмеялась.

На мгновение кухня снова стала обычной кухней. За окном шумела река, на столе остывал чай, а трое людей спорили о том, как обращаться к ребёнку, который, возможно, не принадлежал этому времени.

Затем девочка поставила чашку.

— Я помню ещё кое-что.

Вера перестала улыбаться.

— Что именно?

— Мама говорила, что имя — это не слово. Это дверь.

Каэл выпрямился.

— Когда она тебе это сказала?

— Не знаю.

— Ты помнишь, где находилась?

— В комнате с зеркалами. Там было очень холодно. Мама держала меня за руку и велела не произносить своё имя, даже если кто-нибудь попросит.

— Почему?

Девочка посмотрела на собственное запястье.

Три красных узла под кожей стали чуть темнее.

— Потому что он услышит.

— Кто? — спросила Вера.

Девочка подняла глаза.

— Тот, кто живёт в именах.

Каэл резко встал. Стул с грохотом опрокинулся на пол.

— Хватит.

Девочка вздрогнула, но не отвела взгляда.

— Ты знаешь, о ком я говорю.

— Нет.

— Знаешь.

— Я сказал — хватит!

Его голос ударил по комнате, заставив задрожать стёкла в окнах.

Вера мгновенно поднялась.

— Каэл.

Он смотрел на девочку, и в его глазах было нечто, чего Вера не видела даже перед последней дверью.

Не страх смерти.

Страх воспоминания.

Каэл словно узнал нечто, чего не хотел знать, и теперь отчаянно пытался убедить себя, что ошибся.

Вера положила руку ему на плечо.

— Посмотри на меня.

Он не отреагировал.

— Каэл, посмотри на меня.

Медленно, будто выбираясь из глубокой воды, он повернул голову.

— Мы не будем ничего делать, пока не поймём, что происходит, — сказала Вера. — Ты слышишь?

— Да.

— И ты не станешь принимать решения за нас обоих.

Его челюсть напряглась.

— Я не собирался...

— Собирался. Ты уже начал.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Каэл отвёл взгляд и поднял стул.

— Хорошо.

Это не было согласием.

Но пока Вере хватало и этого.

Они покинули дом через час.

Девочка настояла на том, чтобы идти с ними, и Каэл неожиданно не стал возражать. Он лишь заставил её надеть тёплое пальто, которое Вера нашла в старом сундуке, и несколько раз проверил, не холодно ли ей.

Вера заметила это, но ничего не сказала.

За последние месяцы Каэл научился проявлять заботу без громких обещаний. Иногда он всё ещё пытался защитить её от любой опасности, но теперь хотя бы спрашивал, нужна ли ей помощь.

Не всегда.

Однако прогресс был очевиден.

Они шли вдоль реки, направляясь к старому мосту на восточной окраине города. Небо затянули серые облака, вода казалась почти чёрной. На другом берегу начинался лес, за которым когда-то проходила граница владений Эйрвенской короны.

По словам Каэла, архив хранителей находился за этой границей.

По словам старых карт, за ней не было ничего, кроме заброшенных деревень и болот.

По словам Веры, если место не отмечено ни на одной карте, это ещё не повод считать его интересным.

Но если Каэл говорил, что там можно найти ответы, значит, стоило проверить.

— Что такое хранители? — спросила она, когда мост остался позади.

— Люди, которые следили за границей между живыми и мёртвыми.

— То есть что-то вроде стражи?

— Скорее, библиотекари.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

Вера посмотрела на него с подозрением.

— И они хранили книги?

— Имена. Последние слова. Воспоминания, которые не должны были исчезнуть. Иногда — целые жизни.

— Звучит как работа, от которой я бы уволилась в первый же день.

— Поэтому ты никогда не была хранителем.

— Я и не собиралась.

Девочка шла между ними, внимательно рассматривая деревья. Иногда она проводила пальцами по коре, словно узнавала знакомые предметы, но не могла вспомнить, откуда их знает.

— А ты был хранителем? — спросила она у Каэла.

Он долго не отвечал.

— Нет.

— Но ты знал их.

— Да.

— И обещал вернуться.

Каэл остановился.

Вера тоже остановилась, хотя ей очень хотелось продолжить путь и сделать вид, что она ничего не слышала.

— Кому я обещал? — спросил он.

Девочка задумалась.

— Мне.

— Когда?

— До того, как ты стал палачом.

Каэл побледнел.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что я родился в Эйрвене. Я служил при дворе Эдварда. Я никогда не покидал королевство до заключения договора.

Девочка посмотрела на него почти с жалостью.

— Ты помнишь то, что случилось после.

— А что было до?

— Ты забыл.

Вера почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Послушай, — сказала она, присев перед девочкой, чтобы оказаться с ней на одном уровне. — Я понимаю, что ты не можешь рассказать нам всё. Возможно, ты сама не знаешь всех ответов. Но если мы собираемся тебе помочь, нам нужны хоть какие-то факты. Не загадки. Не намёки. Факты.

Девочка кивнула.

— Хорошо.

— Что ты помнишь о месте, где мы найдём архив?

— Там нет дверей.

Вера закрыла глаза.

— Конечно.

— Но есть окна.

— Разумеется.

— И если посмотреть в них, можно увидеть тех, кто забыл тебя.

Вера выпрямилась.

— Уже лучше. А как туда попасть?

Девочка посмотрела на реку.

— Нужно перейти на другой берег.

— Мы уже перешли.

— Не этот берег.

Она указала вниз по течению, туда, где река уходила в лес и скрывалась за холмами.

— Тот, которого нет.

К полудню они добрались до заброшенного поселения.

На старых картах оно называлось Вейрхольм, но Каэл утверждал, что такого названия никогда не существовало. Вера не стала спорить. За последний год она убедилась, что география Эйрвена была не столько наукой, сколько вопросом договорённости между живыми, мёртвыми и теми, кто не хотел определяться.

Поселение состояло из десятка каменных домов. Крыши провалились, окна зияли пустотой, а узкие улицы заросли травой. На площади стоял колодец, закрытый тяжёлой железной крышкой.

Ни одной птицы.

Ни одного насекомого.

Даже ветер здесь будто забыл, как двигаться.

Вера остановилась у первого дома.

— Здесь кто-нибудь жил?

— Когда-то, — ответил Каэл.

— А потом?

— Их забыли.

— Всех?

Он кивнул.

Девочка подошла к колодцу и положила ладонь на железную крышку.

— Здесь начинался путь.

Каэл мгновенно оказался рядом.

— Не трогай.

Она убрала руку.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, что под ней.

— Я знаю.

— Тогда объясни.

Девочка посмотрела на него.

— Вода.

— В колодце?

— Нет. Внизу.

Вера подошла ближе.

На железной крышке были выгравированы слова, почти стёртые ржавчиной. Она присела, провела пальцами по поверхности и попыталась разобрать надпись.

НЕ ПЕЙ ИЗ ТОГО, ЧТО ПОМНИТ ТЕБЯ.

— Очень гостеприимно, — пробормотала она.

Каэл достал из кармана небольшой фонарь и осветил края крышки.

— Помоги мне.

Вместе они отодвинули её. Металл заскрежетал по камню, и из колодца пахнуло холодом — не сыростью и не гнилью, а чем-то сухим и древним, словно воздух из давно запертого склепа.

Внизу действительно была вода.

Она лежала неподвижной чёрной поверхностью, хотя до неё оставалось не меньше десяти метров.

Вера направила свет фонаря вниз.

На мгновение ей показалось, что вода отражает не колодец, а огромное звёздное небо.

Затем отражение изменилось.

Вера увидела собственное лицо.

Молодое, бледное, с тёмными кругами под глазами.

Но отражение улыбалось.

Вера не улыбалась.

Она отшатнулась.

— Закройте, — резко сказала она.

Каэл немедленно опустил крышку. Металл ударился о камень, и странное ощущение исчезло.

Девочка стояла неподвижно.

— Он узнал тебя, — прошептала она.

Вера повернулась к ней.

— Кто?

— Тот, кто живёт в именах.

— Я думала, он услышит, если мы произнесём твоё имя.

— Это тоже правда.

— А что ещё правда?

Девочка посмотрела на закрытый колодец.

— Он знает, что ты ищешь его.

Вера медленно выдохнула.

— Прекрасно. Значит, теперь нас двое.

— Нет, — сказала девочка.

— Что значит — нет?

— Он искал тебя гораздо дольше.

Вера хотела задать ещё один вопрос, но Каэл вдруг схватил её за руку.

— Нам нужно уходить.

— Почему?

Он не ответил.

Вместо этого посмотрел на дорогу, по которой они пришли.

В конце улицы стоял человек.

Высокий, худой, в длинном сером пальто. Его лицо было скрыто капюшоном, а руки — перчатками. Он не двигался, не пытался приблизиться, просто наблюдал за ними.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Это кто?

Каэл отпустил её руку и шагнул вперёд.

— Покажите лицо.

Незнакомец наклонил голову.

— Каэл Вейр, — произнёс он.

Голос был негромким, почти ласковым.

— Ты наконец вернулся.

— Я не знаю вас.

— Разумеется. Ты ведь не помнишь даже того, кому обещал вернуться.

Вера достала нож.

— Ещё один любитель загадок. Сегодня у нас прямо праздник.

Незнакомец повернулся к ней.

— Вера Эстель.

Она замерла.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Я знал его до того, как ты родилась.

— Тогда вам должно быть известно, что я не люблю незнакомцев, которые знают обо мне больше, чем я сама.

— Это разумно.

Он снял капюшон.

Лицо оказалось совершенно обычным. Мужчина лет пятидесяти, с бледной кожей, седыми волосами и усталыми глазами. Ни чёрных провалов вместо зрачков, ни шрамов, ни следов магии.

Но Вера сразу заметила другое.

Она не могла запомнить его лицо.

Стоило отвести взгляд, как черты расплывались в памяти. Она снова смотрела на мужчину, пытаясь определить цвет его глаз, форму носа, линию подбородка, но всё исчезало, не успев закрепиться.

— Кто вы? — спросила она.

— Архивариус.

Каэл напрягся.

— Архив хранителей закрыт.

— Для тех, кто помнит дорогу.

— А для тех, кто её забыл?

Мужчина улыбнулся.

— Для них он открыт всегда.

Он посмотрел на девочку.

И впервые за всё время на его лице появилось настоящее выражение — не удивление, не радость, а глубокая печаль.

— Ты выросла.

Девочка сделала шаг назад.

— Нет.

— Я помню, какой ты была.

— Не говорите так.

— Маленькая девочка в белом платье. Серебряные волосы, чёрные глаза. Три красных узла на запястье.

Он произнёс каждое слово с осторожностью, словно боялся причинить ей боль.

— Ты сидела у окна и ждала, когда брат вернётся домой.

Девочка закрыла уши ладонями.

— Замолчите!

Архивариус замолчал.

Но было поздно.

Красные узлы на её запястье начали кровоточить.

Каэл бросился к ней, однако девочка отшатнулась.

— Не трогай меня!

Он остановился.

— Я не причиню тебе вреда.

— Ты уже причинил!

Её голос сорвался.

— Ты обещал!

Каэл стоял неподвижно, не пытаясь оправдаться.

Вера впервые увидела, как он выглядит, когда не может предложить ни защиты, ни объяснения, ни даже попытки исправить ситуацию.

Просто человек, который не помнит собственного обещания.

Девочка опустилась на колени.

Вера тут же оказалась рядом, обняла её за плечи и прижала к себе. Та дрожала, уткнувшись лицом в её пальто.

— Всё хорошо, — тихо сказала Вера.

— Нет.

— Я знаю.

— Он забыл меня.

Вера посмотрела на Каэла.

Он не отвёл глаз.

— Да, — ответила Вера. — Но это ещё не значит, что мы не сможем узнать правду.

Архивариус терпеливо ждал, пока девочка успокоится.

Когда она наконец подняла голову, он протянул ей руку.

— Пойдём. Твой дом всё ещё существует.

— Где?

Мужчина указал на колодец.

— По ту сторону воды.

Вера медленно поднялась.

— Вы хотите сказать, что архив находится на дне?

— Нет. Колодец — лишь вход.

— А выход?

Архивариус посмотрел на неё.

— Зависит от того, что вы забудете по дороге.

Вера усмехнулась.

— А вы всегда так разговариваете?

— Только с теми, кто задаёт правильные вопросы.

— Тогда я задам ещё один. Что случится, если мы не войдём?

Архивариус на мгновение задумался.

— Ничего особенного. Вы вернётесь домой, приготовите ужин, ляжете спать. Завтра проснётесь и забудете, что когда-то встречали эту девочку.

Вера почувствовала, как внутри всё сжалось.

— А потом?

— Потом вы забудете, что у вас была мать.

Она перестала дышать.

Архивариус продолжил тем же спокойным голосом:

— Каэл забудет, что когда-либо любил вас. Девочка забудет, что хотела жить. А однажды вы оба проснётесь и не сможете вспомнить, зачем остались вместе.

Каэл шагнул к нему.

— Если вы тронете её память...

— Я ничего не трогаю, — перебил архивариус. — Я лишь показываю вам, что уже происходит.

Он посмотрел на Веру.

— Ты можешь уйти. Это твой выбор. Но если хочешь сохранить то, что любишь, придётся узнать, почему мир начал забывать мёртвых.

Вера посмотрела на колодец.

На Каэла.

На девочку, которая не помнила собственного имени.

Она вспомнила лицо матери на фотографии — или, точнее, пустоту, которая осталась на его месте.

Теперь Вера понимала, что теряет не просто воспоминания.

Она теряла возможность доказать самой себе, что её жизнь действительно принадлежала ей.

— Как нам попасть внутрь? — спросила она.

Архивариус улыбнулся.

— Очень просто.

Он подошёл к колодцу и положил ладонь на железную крышку.

— Назовите то, что боитесь забыть.

Каэл посмотрел на Веру.

Она взяла его за руку.

— Я боюсь забыть свою мать, — сказала Вера.

Внутри колодца что-то глухо ударило.

— Я боюсь забыть, кем был до того, как стал палачом, — произнёс Каэл.

Вода под крышкой зашевелилась.

Девочка поднялась с колен.

Она долго молчала, глядя на свои запястья.

— Я боюсь забыть, что когда-то была жива.

Колодец содрогнулся.

Железная крышка медленно сдвинулась сама собой.

Внизу, вместо чёрной воды, открылась лестница, уходящая в бесконечную глубину. На каждой ступени горела маленькая свеча. Их свет отражался в стенах, покрытых тысячами имён.

Некоторые были вырезаны в камне.

Другие написаны кровью.

А некоторые исчезали прямо на глазах.

Архивариус отступил в сторону.

— Добро пожаловать в архив хранителей.

Вера посмотрела вниз.

— И что теперь?

Мужчина впервые за весь день улыбнулся по-настоящему.

— Теперь, Вера Эстель, вам предстоит найти имя, которое нельзя произносить.

Девочка крепче сжала её руку.

А где-то глубоко под землёй раздался звон колокола.

Один удар.

Второй.

Третий.

И после третьего Каэл вдруг повернулся к Вере.

Он смотрел на неё с искренним замешательством.

— Простите, — сказал он. — Мы знакомы?

Вера почувствовала, как его пальцы ослабили в её руке.

Она знала этот взгляд.

Он не играл.

Он действительно не помнил.

И впервые с момента их встречи Каэл Вейр смотрел на неё как на незнакомку.

Глава 3

Простите, мы знакомы?

Вера не сразу поняла, что именно услышала. Слова Каэла прозвучали совершенно обыкновенно — без насмешки, без притворного удивления, без той холодной вежливости, за которой он порой прятал раздражение. Он смотрел на неё так, как смотрят на незнакомца, случайно оказавшегося рядом в тесном коридоре.

В его глазах не было ни узнавания, ни страха.

Только настороженность.

— Каэл, — произнесла Вера.

Он слегка нахмурился.

— Вы знаете моё имя?

Она едва не рассмеялась. Смех поднялся к горлу сам собой — резкий, неправильный, почти болезненный. Ещё мгновение назад она боялась потерять его. Теперь он стоял перед ней и сам не знал, кого потерял.

— Знаю, — ответила она. — И, к сожалению, достаточно хорошо.

Каэл машинально потянулся к поясу, где раньше носил меч. Там ничего не было. Его пальцы замерли на пустой ткани, словно тело помнило привычку, которую разум больше не мог объяснить.

— Где мы? — спросил он.

— Под землёй, — ответила Вера. — В месте, которого нет на карте. Мы пришли сюда вместе. Ты сам согласился.

— Почему?

— Потому что исчезают имена. Потому что эта девочка утверждает, что ты её брат. Потому что кто-то стирает людей из памяти живых. И потому что...

Она замолчала.

Потому что я люблю тебя.

Последние слова оказались заперты где-то глубоко внутри. Вера вдруг испугалась, что, произнеся их, потеряет не только Каэла, но и само чувство — будто оно тоже принадлежало этому странному архиву и могло быть вычеркнуто вместе с именем.

— Потому что я попросила тебя пойти со мной, — закончила она.

Каэл посмотрел на неё внимательнее.

— И я согласился?

— Да.

— Значит, у вас были веские причины мне доверять.

Вера опустила глаза.

— Были.

Он слышал перемену в её голосе. Она заметила это по тому, как он чуть подался вперёд, будто хотел спросить ещё что-то. Но затем его взгляд скользнул к лестнице, уходившей в глубину колодца, и вопрос так и остался невысказанным.

Девочка стояла неподалёку, прижимая руки к груди. Белое платье казалось слишком чистым для этого места. На её запястье темнели три красных узелка.

— Он меня тоже забыл? — спросила она.

Каэл повернулся к ней.

— Боюсь, я вообще не понимаю, что происходит.

— Ты обещал вернуться.

— Мне жаль.

— Ты всегда так говоришь, когда не помнишь обещаний.

В этих словах было столько старой, выстраданной обиды, что Вера почувствовала её почти физически. Девочка не плакала. Кажется, она давно перестала рассчитывать на слёзы.

Каэл отвёл взгляд.

— Я не могу извиняться за то, чего не помню, — произнёс он. — Но могу выслушать тебя. Если ты расскажешь, что я сделал.

— А если я расскажу, ты снова забудешь.

— Тогда расскажешь ещё раз.

Девочка медленно покачала головой.

— Ты не понимаешь. Каждый раз, когда ты забываешь, что-то исчезает навсегда.

— Не всё, — вмешалась Вера.

Она сама не знала, почему сказала это. Возможно, просто не могла вынести выражения лица девочки. Возможно, хотела поверить в собственные слова.

— Если бы исчезало всё, мы бы уже не стояли здесь, — продолжила она. — Каэл забыл меня, но я помню его. Ты помнишь свою мать. Мы ещё можем что-то сделать.

— Пока можешь, — тихо ответила девочка.

Слова ударили точнее, чем Вера ожидала.

Она отвернулась и посмотрела на Архивариуса. Тот стоял у стены, сложив руки за спиной. Его серое пальто не отбрасывало тени, а лицо выглядело так, будто его собрали из черт, которые невозможно описать по отдельности.

— Вы знали, что это случится? — спросила Вера.

— Я предупреждал, что архив забирает память.

— Вы предупреждали, что мы можем забыть её, мою мать и причины, по которым пришли сюда. Но не говорили, что он забудет меня прямо у входа.

— Я не говорил, что это произойдёт постепенно.

— Очень удобно.

Архивариус не обиделся. По крайней мере, Вера не смогла заметить на его лице ничего похожего на обиду.

— Колокол не звонит без причины, — произнёс он. — Три удара означают, что архив получил право потребовать имя. Чьё именно — зависит от того, кто первым откликнулся.

— Он не откликнулся, — резко сказала Вера. — Он просто услышал звук.

— Для архива это одно и то же.

Каэл перевёл взгляд с Архивариуса на Веру.

— Какое имя он потребовал?

— Моё, — ответила она.

— Нет, — возразила девочка.

Они обе посмотрели на неё.

— Колокол не звал Веру. Он звал тебя, брат.

Каэл побледнел.

Вера заметила это сразу. При всей своей растерянности он не мог скрыть реакции на слово «брат». Что-то внутри него откликнулось — не память, но её болезненный след.

— Почему? — спросил он.

— Потому что ты уже однажды отдал своё имя.

Архивариус впервые пошевелился. Он медленно повернул голову к девочке.

— Не говори об этом здесь.

— Почему? Боишься, что он вспомнит?

— Я боюсь, что вспомнит не то.

Девочка сжала запястье так сильно, что красные узелки впились в кожу.

— Вы все говорите так, будто правда принадлежит вам. Мать говорила, что нельзя проносить имя. Отец говорил, что некоторые имена опаснее смерти. А он... — Она посмотрела на Каэла. — Он даже не помнит, что сделал со мной.

— Кто твой отец? — спросила Вера.

Девочка открыла рот, но не произнесла ни звука.

Её губы беззвучно сложились в одно короткое слово. Затем она резко закрыла рот и отступила, словно сама испугалась сказанного.

На стене за её спиной исчезло несколько имён.

Они не стерлись постепенно. Буквы просто провалились в камень, оставив на поверхности тонкие чёрные борозды. Из глубины стены донёсся сухой шорох, похожий на шелест страниц.

Архивариус выругался.

— Я же предупреждал.

— Ты предупреждал о многом, — огрызнулась девочка. — Но никогда не говорил, как спастись.

— Потому что спасение здесь всегда имеет цену.

— А ты знаешь только цены!

Последнее слово отозвалось эхом в длинном коридоре.

Где-то внизу хлопнула дверь.

Вера обернулась. На лестнице, ведущей из колодца, не было никого. И всё же она услышала шаги — медленные, тяжёлые, приближающиеся снизу. Кто-то поднимался к ним по ступеням, которых не существовало ещё минуту назад.

Каэл тоже слышал.

Он встал между Верой и лестницей, хотя не знал, кто она такая и почему её нужно защищать.

Этот жест оказался страшнее его забвения.

Тело помнило.

Руки помнили, куда встать. Плечи помнили, как закрыть собой чужое тело. Даже пальцы правой руки чуть согнулись, готовясь сжать рукоять оружия.

— Отойдите за меня, — сказал он Вере.

Она посмотрела на его спину.

— Ты ведь меня не знаешь.

— Это не мешает мне предполагать, что вам угрожает опасность.

— А если я опасна?

Каэл чуть повернул голову.

— Тогда постараюсь ошибиться в вашу пользу.

Вера замерла.

Когда-то он сказал ей почти то же самое — в другом месте, при других обстоятельствах. Она не могла вспомнить точных слов, но помнила интонацию. Помнила, как он смотрел на неё, будто впервые позволил себе не знать ответа.

Она хотела коснуться его плеча.

Не стала.

Пока он не помнил её, прикосновение могло оказаться не утешением, а вторжением.

Шаги прекратились.

На нижней ступени стоял мальчик в тёмной одежде. Он был худым, бледным и держал в руке деревянную лошадку с облупившейся красной краской. Его волосы прилипли ко лбу, а босые ступни оставляли на камне мокрые следы.

Вера узнала его сразу.

Мальчик, которого Каэл когда-то отдал вместе со своей смертью. Или тот, кем стала смерть после того, как Каэл отказался от неё. Вера так и не поняла до конца, что именно она видела в прошлый раз.

Но теперь мальчик выглядел иначе.

На его лице не было прежней детской печали. Он смотрел на них с усталостью существа, которое слишком долго ждало, пока взрослые наконец перестанут притворяться, что всё ещё могут исправить.

— Ты опять забыл, — сказал он Каэлу.

Каэл не ответил.

Мальчик перевёл взгляд на Веру.

— А ты опять пришла за тем, что тебе не принадлежит.

— Если ты собираешься говорить загадками, у нас уже есть специалист, — сказала Вера, кивнув на Архивариуса. — В очереди можешь не стоять.

Мальчик не улыбнулся.

— Ты думаешь, я шучу?

— Нет. Я надеюсь, что ты хотя бы способен говорить прямо.

Он посмотрел на деревянную лошадку и провёл пальцем по её гладкой спине.

— Я могу говорить прямо. Только вы всё равно не услышите.

— Попробуй.

Мальчик поднял глаза на Каэла.

— Ты отдал мне свою смерть, чтобы она могла жить. Потом отдал ей часть того, что осталось от тебя. А теперь архив забирает у тебя самое простое: память о ней. Потому что имя, которое ты отдал, не было твоим.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Чьё оно было?

Мальчик посмотрел на девочку.

Та отступила ещё на шаг.

— Не спрашивай, — прошептала она.

— Почему?

— Потому что он услышит.

Словно в ответ на её слова, колодец содрогнулся. По стенам побежали тонкие трещины, и из них посыпалась пыль. Где-то далеко зазвенел колокол — один раз, протяжно и низко.

Архивариус поднял руку, требуя тишины.

— Нам нужно уходить с лестницы. Сейчас же.

— Куда? — спросил Каэл.

— В читальный зал. Там имена ещё защищены.

— А если он последует за нами? — спросила Вера, указывая на мальчика.

— Он уже здесь, — ответил Архивариус. — И всегда был здесь.

Мальчик не двинулся с места. Он смотрел на Веру так, будто хотел что-то сказать, но не мог решить, заслужила ли она правду.

— Ты ведь помнишь меня? — спросил он наконец.

— Да.

— Тогда ответь на один вопрос. Когда ты в последний раз вспоминала свою мать, ты помнила её лицо?

Вера похолодела.

Она хотела ответить сразу. Хотела сказать, что да, конечно, помнит, что лицо матери было одним из немногих воспоминаний, которые оставались с ней даже в самые тяжёлые дни. Но вместо этого перед глазами возникли руки — тонкие пальцы, следы травяной настойки на коже, тёплые ладони, которыми мать поправляла ей волосы.

Лицо не появилось.

Вера попыталась представить глаза, нос, линию губ. Чем настойчивее она старалась, тем быстрее образ распадался, словно его рисовали на воде.

— Нет, — прошептала она.

Мальчик кивнул.

— Значит, он уже начал.

— Кто?

Но мальчик уже смотрел не на неё, а на Каэла.

— Ты забыл её не потому, что она тебе чужая. Ты забыл, потому что однажды назвал её своим последним воспоминанием. Архив пришёл за ним.

Каэл шагнул к нему.

— Что это значит?

Мальчик впервые улыбнулся — печально и почти по-взрослому.

— Это значит, что ты должен вспомнить, кого любил до того, как научился умирать за других.

Он разжал ладонь и протянул деревянную лошадку девочке.

Она не взяла её.

— Нет, — сказала она. — Я больше не буду хранить то, что он не смог сохранить сам.

— Тогда отдай её тому, кто ещё помнит.

Мальчик повернулся к Вере.

Она медленно протянула руку.

Деревянная лошадка оказалась неожиданно тёплой. Под большим пальцем Вера почувствовала крошечную выемку на боку игрушки — будто кто-то много лет назад вырезал там букву, а затем старательно стёр её ножом.

В тот же миг архив исчез.

Не весь — только на одно мгновение. Каменные стены растворились, лестница стала белым коридором, а вместо Архивариуса перед Верой возникла женщина в тёмном платье. Её серебристые волосы были собраны на затылке, а на запястье красовались три красных узелка.

Женщина держала за руку маленького мальчика.

Каэл.

Он был совсем юным — ещё не палачом, ещё не человеком, чьё имя произносили шёпотом. На его лице не было привычной суровости. Он смотрел на женщину с доверием, которое Вера никогда прежде у него не видела.

— Если однажды ты меня забудешь, — сказала женщина, — не ищи меня среди мёртвых.

— Почему?

— Потому что я не умру так, как умирают остальные.

Мальчик нахмурился.

— Тогда как?

Женщина наклонилась к нему и коснулась лбом его лба.

— Меня сделают так, будто меня никогда не было.

Маленький Каэл сжал её руку.

— Я не позволю.

— Ты не сможешь меня спасти, милый.

— Смогу.

— Тогда пообещай мне кое-что.

— Всё, что угодно.

Женщина закрыла глаза.

— Когда придёт время, не называй меня по имени. Даже если вспомнишь. Особенно если вспомнишь.

Вера увидела, как мальчик кивнул.

А затем картинка раскололась.

Она снова стояла в архиве, сжимая деревянную лошадку. Её ладонь онемела, дыхание сбилось, а по щеке скатилась слеза, которой она не заметила.

Каэл смотрел на неё.

В его глазах по-прежнему не было узнавания. Но теперь в них появилась тревога.

— Что вы увидели?

Вера открыла рот.

Она могла рассказать ему о мальчике. О женщине. О том, как он обещал спасти её, хотя ещё не знал, что такое смерть. Могла рассказать, что, возможно, вся его жизнь началась с обещания, которое он не имел права давать.

Но в голове прозвучал голос женщины:

Не называй меня по имени.

— Не знаю, — ответила Вера.

Ложь далась ей тяжело. Не потому, что она боялась Каэла, а потому, что впервые поняла: иногда правда может оказаться ещё одним способом отнять у человека свободу.

Архивариус указал на боковой проход.

— Быстрее. Пока колокол не ударил снова.

Они двинулись за ним. Девочка шла последней, не отрывая взгляда от деревянной лошадки. Каэл держался рядом с Верой, но между ними оставалось несколько шагов — расстояние, которое он, вероятно, считал разумным.

В конце коридора обнаружилась дверь без ручки. На ней были вырезаны тысячи крошечных букв. Одни светились, другие едва различались, третьи уже превратились в бесформенные царапины.

Архивариус приложил ладонь к камню.

— Назовите то, что вы не готовы потерять.

— Я не готова потерять память о матери, — сказала Вера.

Одна из букв вспыхнула.

Каэл долго молчал.

— Я не готов потерять себя, — произнёс он наконец.

Вспыхнула вторая буква.

Девочка посмотрела на дверь.

— Я не готова снова стать ничем.

Третья буква загорелась красным.

Дверь медленно открылась.

За ней находился огромный зал, уходивший в темноту. До самого потолка тянулись полки с книгами, свитками и стеклянными сосудами, внутри которых плавали

крошечные светящиеся точки. На длинных столах лежали раскрытые фолианты. Их страницы были испещрены именами, но многие строки пустовали.

В центре зала стоял высокий стол, а на нём — книга в чёрном переплёте.

Она была единственной книгой, которую никто не пытался спрятать. На её обложке не было ни названия, ни знака, ни замка. Только углубление, точно повторявшее форму серебряной пуговицы с изображением глаза.

Вера достала из кармана первую пуговицу, найденную дома. Девочка протянула вторую — ту, на которой были выгравированы инициалы «С. Э.».

Они подошли к книге.

— Что это? — спросила Вера.

Архивариус ответил не сразу.

— Первая запись.

— О чём?

— О человеке, чьё имя нельзя произносить.

Каэл посмотрел на пустую обложку.

— И как мы узнаем, что это за человек?

Архивариус впервые за всё время отвёл взгляд.

— Если книга откроется, вы узнаете, кого именно мир пытался забыть.

— А если не откроется?

— Тогда архив продолжит забирать ваши воспоминания, пока от вас не останутся только тела.

Вера посмотрела на Каэла. Он не знал её имени, не помнил их дороги, их ссор, их осторожного сближения. Но стоял рядом и не уходил, хотя ничто не обязывало его оставаться.

Она не могла требовать от него любви, которой он не помнил.

Но могла попытаться дать ему шанс вспомнить самому.

Вера положила серебряные пуговицы в углубление на обложке.

Книга дрогнула.

Где-то далеко, за пределами архива, ударил колокол.

На этот раз звук был не громким, а тихим, почти ласковым. Так могла бы прозвучать колыбельная, которую мать напевает ребёнку, чтобы тот перестал бояться темноты.

На первой странице проступили слова.

«В день, когда у королевы Серефины родилась последняя дочь, король приказал вычеркнуть её имя из мира живых».

Девочка побледнела.

— Нет, — прошептала она. — Нет, этого не может быть...

Каэл резко повернулся к ней.

— Что случилось?

Она не ответила. Её взгляд был прикован к книге, к буквам, которые продолжали появляться на странице.

«Но прежде чем имя было стёрто, его отдали тому, кто ещё не знал, что однажды станет палачом».

Каэл пошатнулся.

Вера бросилась к нему, но он отступил, прижимая руку к груди. Под рубашкой, прямо над сердцем, проступило красное пятно — тонкая линия, похожая на след от старого шрама.

— Каэл!

Он поднял на неё глаза.

И впервые за всё время в них появилось что-то похожее на узнавание.

— Вера... — выдохнул он.

Она замерла.

Он помнил её?

— Ты...

Каэл попытался продолжить, но его лицо исказилось от боли. Он опустился на колени, а книга захлопнулась с оглушительным ударом.

Красная линия на его груди исчезла.

Вместе с ней исчезло и узнавание.

Он посмотрел на Веру снизу вверх, растерянный и испуганный.

— Простите, — прошептал он. — Мне кажется, я только что назвал вас чужим именем.

Девочка медленно подняла руку к своим трём красным узелкам.

— Нет, — сказала она. — Ты назвал её настоящим.

И где-то глубоко под архивом, там, где не было ни стен, ни книг, ни даже самой смерти, кто-то впервые за много лет произнёс забытое имя.

Мир содрогнулся.

А на обложке закрытой книги появилась новая строка:

«ПЕРВАЯ ДОЧЬ БЫЛА ПОМНЯЩЕЙ. ПОСЛЕДНЯЯ — КЛЮЧОМ».

Глава 4

Первая дочь была Помнящей. Последняя — ключом.

Вера перечитала надпись на обложке, хотя буквы уже начали бледнеть. Они словно уходили под кожу книги, оставляя после себя тонкие вмятины, похожие на старые шрамы.

— Что это значит? — спросила она.

Архивариус не ответил.

Он смотрел на девочку.

Та стояла неподвижно, прижав ладонь к запястью с тремя красными узелками. Впервые с момента их встречи она казалась не загадочной и недоверчивой, а по-настоящему испуганной. Её чёрные глаза были широко раскрыты, и в их глубине отражалась страница, на которой исчезали последние слова.

— Ты знала, — произнёс Архивариус.

— Нет.

— Ты знала, кто ты.

— Я знала, что у меня была мать! — Девочка повысила голос. — Я помнила её руки, её голос, её волосы. Я помнила, как она пела мне перед сном. Но я не помнила, что была последней дочерью. Не помнила, что кто-то назвал меня ключом. И уж точно не помнила, что мой брат...

Она осеклась.

Каэл всё ещё стоял на коленях. Одна рука лежала у него на груди, другая упиралась в пол. Он тяжело дышал, словно только что поднялся по сотне лестниц.

Вера опустилась рядом с ним.

— Ты слышал меня?

Он поднял голову.

— Да.

— Ты назвал моё имя.

— Кажется, да.

— Ты вспомнил меня?

Каэл долго смотрел на неё. В его глазах мелькнула тень боли, но она тут же исчезла, оставив после себя лишь растерянность.

— Нет. Я помню, что произнёс имя. Помню, как оно прозвучало. Но не знаю, откуда оно взялось.

Вера отвела взгляд.

Она не ожидала чуда. По крайней мере, пыталась убедить себя в этом. Но когда он произнёс её имя, внутри что-то болезненно дрогнуло, будто запертая дверь на мгновение поддавалась нажиму.

Теперь дверь снова захлопнулась.

— Вставай, — сказала она, протягивая руку.

Каэл посмотрел на её ладонь.

— Вы уверены?

— Нет. Но если ты останешься на полу, мне придётся тащить тебя на себе. А я не настолько тебя люблю.

Он замер.

Вера тоже.

Слова вырвались прежде, чем она успела их остановить. На мгновение ей показалось, что он услышит в них правду, которую забвение пока не сумело отнять. Но Каэл лишь нахмурился, словно пытался понять, была ли это шутка.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которых едва знаете?

— Только с теми, кто особенно раздражает.

— Тогда мне, вероятно, следует опасаться, что однажды вы решите меня убить.

— Если я захочу тебя убить, ты узнаешь об этом последним.

Он посмотрел на неё ещё секунду, а затем всё-таки принял протянутую руку.
Его ладонь была тёплой.

Вера ненавидела себя за то, что это простое обстоятельство принесло ей облегчение.

Когда-то Каэл казался ей человеком, которого невозможно представить обычным. Он не старел, почти не чувствовал боли, носил на себе чужие смерти и жил так, словно давно перестал принадлежать миру живых. Теперь его пальцы дрожали от слабости, а под глазами залегли тени. Он мог упасть, заболеть, состариться и умереть.

И всё же мир нашёл способ отнять у него ещё больше.

— Книга не открывается дважды, — сказал Архивариус.

— Тогда почему она открылась сейчас? — спросила Вера.

— Потому что две пуговицы принадлежали одной истории.

— Чьей истории?

— Королевской семьи.

— Это мы уже поняли.

— Нет, — возразил он. — Вы поняли, что речь идёт о королевской семье. Но пока не поняли, что королевская семья никогда не состояла из тех людей, чьи портреты висят во дворце.

Девочка резко повернулась к нему.

— Хватит.

— Ты хочешь, чтобы они узнали правду или чтобы продолжали искать её на ощупь?

— Я хочу, чтобы вы перестали решать за всех, сколько правды им позволено знать!

Архивариус впервые выглядел старым. Не лицом — оно по-прежнему оставалось бесформенным и неуловимым, — а осанкой. Его плечи опустились, и он на мгновение прикрыл глаза.

— Я уже однажды позволил правде выйти наружу, — тихо произнёс он. — И целый город исчез.

— Какой город? — спросила Вера.

Он посмотрел на неё.

— Тот, в который вы пришли.

Вера вспомнила пустые дома, неподвижный воздух и колодец, в котором отражалось звёздное небо. Вспомнила надпись на железной крышке: «Не пей из того, что помнит тебя».

— Вейрхольм, — произнесла она.

— На старых картах это название действительно встречалось. Но город исчез задолго до того, как карты начали лгать. Его жители забыли друг друга. Сначала — имена. Потом лица. Затем собственные дома. Когда последний человек перестал помнить, что у него была семья, город перестал существовать.

— Люди не могут исчезнуть только потому, что их забыли, — сказала Вера.

— Разумеется, могут. Если весь мир согласен с забвением.

— Это бессмыслица.

— Вы находитесь в архиве, который хранит имена тех, кого больше не существует. Бессмыслица здесь — не самое опасное из того, что вам встретится.

Вера хотела возразить, но вспомнила лицо матери.

Точнее, то место, где должно было находиться её лицо.

Она помнила запах сушёной мяты, тёплую ткань фартука, негромкое покашливание перед тем, как мать начинала говорить. Помнила, как та держала нож, нарезая яблоки, и как всегда оставляла Вере последний кусочек, будто это была тайна, известная только им двоим.

Но лицо не возвращалось.

Словно кто-то вырезал его из воспоминания, не повредив ничего вокруг.

— Как остановить это? — спросила Вера.

Архивариус покачал головой.

— Я не знаю.

— Вы хранитель архива.

— Я храню то, что сохранилось. Это не одно и то же.

— Тогда зачем вы нам нужны?

Он принял вопрос без возмущения.

— Чтобы показать вам дорогу к тем, кто знает больше меня.

Девочка горько усмехнулась.

— Вы всегда обещаете дорогу. А потом оказывается, что дорога ведёт к ещё одной двери, за которой сидит кто-то, кто ничего не знает.

— Иногда, — ответил Архивариус, — дверь оказывается единственным, что отделяет человека от пропасти.

— А иногда за дверью и есть пропасть.

На этот раз Архивариус не нашёлся с ответом.

Вера посмотрела на закрытую книгу. Теперь на её обложке не было ни надписи, ни углубления для пуговиц. Только чёрная поверхность, гладкая, как вода в безлунную ночь.

— Вы сказали, что первая дочь была Помнящей, — произнесла она. — Что это значит?

Архивариус помедлил.

— Помнящие способны удерживать то, что мир пытается забыть.

— Люди?

— Имена. Лица. Обещания. Иногда — целые жизни.

— Значит, эта девочка...

— Не перебивай, — резко сказала девочка. — Ты не знаешь, что он собирается сказать.

Вера замолчала.

— Помнящая не просто сохраняет воспоминания, — продолжил Архивариус. — Она может помнить человека даже тогда, когда его имя стёрто, когда его лицо исчезло из памяти близких и когда ни одна книга больше не подтверждает, что он когда-либо жил. Пока Помнящая помнит, человек не исчезает окончательно.

— А если она забудет?

— Тогда он станет ничем.

Вера посмотрела на девочку.

— Ты Помнящая?

— Я не знаю.

— Но ты помнишь мать.

— Пока помню.

— Ты помнишь Каэла.

— Пока помню.

— А себя?

Девочка замолчала.

Вера увидела, как она медленно разжала пальцы. На коже под красными узелками проступили крошечные буквы. Они были такими мелкими, что Вера не смогла разобрать их даже с близкого расстояния.

— Что у тебя на руке? — спросила она.

Девочка тут же спрятала запястье.

— Ничего.

— Я видела буквы.

— Тебе показалось.

— Мне не показалось.

— Вера, — вмешался Каэл.

Она обернулась. Он стоял рядом, опираясь рукой о край стола. Его лицо оставалось бледным, но взгляд стал яснее.

— Не давите на неё, — сказал он. — Если она сама не понимает, что с ней происходит, ваши вопросы не помогут.

Вера едва заметно приподняла бровь.

— Ты защищаешь её?

— Я пытаюсь не превращать этот разговор в допрос.

— Как благородно.

— Не уверен, что это благородство. Просто я не люблю, когда человека загоняют в угол.

Он произнёс это спокойно, но девочка вздрогнула.

Каэл заметил.

— Я сказал что-то не то?

— Нет, — ответила она.

Однако Вера поняла, что это не совсем правда. Слова Каэла задели девочку сильнее, чем все вопросы до этого. Возможно, когда-то он действительно загонял её в угол. Возможно, именно он заставил её молчать о собственном имени.

А возможно, она просто слишком долго ждала от него защиты.

— Я не помню, что сделал, — сказал Каэл, обращаясь к ней. — Но если причинил тебе боль, не стану утверждать, что этого не было, только потому, что не могу вспомнить.

Девочка подняла на него глаза.

— Ты говоришь так, будто собираешься исправить всё одним извинением.

— Нет. Я говорю так, потому что не знаю, что ещё могу предложить.

— Ты мог бы вспомнить.

— Если бы мог, я бы уже это сделал.

— Ты всегда был таким, — прошептала она. — Когда обещал, ты верил, что сможешь. А потом приходило время платить, и ты обнаруживал, что у тебя нет ничего, кроме собственной жизни.

Каэл побледнел ещё сильнее.

— Что я тебе обещал?

Девочка долго смотрела на него.

— Вернуться.

Одно слово.

Вера уже слышала его раньше — в первом сообщении, написанном сажей на кухонном столе. Ты обещал вернуться.

Теперь она поняла, что эти слова были не просто напоминанием. Они были обвинением, которое пережило годы, забвение и, возможно, саму смерть.

— Куда? — спросила она.

Девочка не ответила.

Вместо этого она подошла к чёрной книге и коснулась обложки.

Архивариус резко схватил её за запястье.

— Не смей!

Девочка вырвала руку.

— Вы не можете вечно держать меня под замком.

— Я не держу тебя под замком.

— Тогда почему я не могу вспомнить собственное имя?

Архивариус молчал.

— Почему я помню мать, но не помню, как она меня называла? Почему я знаю, что у меня были братья и сёстры, но не могу представить ни одного лица, кроме его? — Она указала

на Каэла. — Почему каждый раз, когда я пытаюсь произнести своё имя, мне кажется, что кто-то стоит за моей спиной и слушает?

Последние слова прозвучали совсем тихо.

Вера почувствовала, как холодеют её пальцы.

Кто-то слушал.

Не в переносном смысле. Не как незримый свидетель, присутствующий в чужой памяти. Девочка говорила о ком-то, кто мог услышать её даже через стены архива.

— Ты говорила, что он услышит, если назвать имя, — вспомнила Вера. — Кто он?

Девочка закрыла глаза.

— Я не знаю.

— Ты ведь знаешь больше, чем говоришь.

— Я знаю только то, что мне позволили сохранить.

— Кто позволил?

— Мать.

Вера приблизилась к ней.

— Серефина?

Девочка кивнула.

— Она сказала, что если я забуду всё остальное, должна помнить три вещи. Что меня любили. Что я не виновата. И что моё имя нельзя отдавать тому, кто живёт в именах.

В зале стало так тихо, что Вера услышала, как где-то за стеллажами капает вода.

Архивариус медленно опустил голову.

— Значит, он уже добрался до тебя.

— Кто? — спросила Вера.

— Тот, кто живёт в именах.

Слова прозвучали просто, почти буднично. И оттого стали страшнее.

— Это существо? — спросил Каэл.

— Когда-то оно было человеком. Или, возможно, человеком был тот, чьё имя оно носит. Я не знаю. В архиве нет записи о его рождении. Нет записи о его смерти. Нет даже имени, под которым оно было известно раньше.

— Но вы знаете, что оно существует.

— Я знаю, что оно приходит туда, где люди пытаются удержать умерших. Оно предлагает им сохранить имена тех, кого они потеряли. Взамен забирает что-то другое: воспоминание, лицо, голос, иногда — способность отличать собственную жизнь от чужой.

Вера вспомнила белую комнату, женщину, умолявшую не забирать ребёнка, и голос, требовавший, чтобы у каждого человека была смерть.

— Это связано с королём Эдвардом?

— Нет, — ответил Архивариус. — Эдвард пытался подчинить смерть. Он хотел сделать её послушной. Тот, кто живёт в именах, не подчиняет. Он стирает границу между тем, что было, и тем, чего никогда не существовало.

— Зачем?

— Возможно, потому что однажды его самого забыли.

Вера посмотрела на девочку.

Та стояла, прижав руки к груди. Её губы дрожали, но она не плакала.

— Он забрал моё имя, — прошептала она. — Я помню это теперь. Он забрал его не у меня. У всех.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Каэл.

— Он сделал так, чтобы никто не мог вспомнить, что я родилась. Мать помнила меня, но её память была заперта. Ты помнил меня, но твоё имя стало частью замка. А потом ты отдал свою смерть...

Она запнулась, словно слова внезапно стали слишком тяжёлыми.

— Что произошло потом? — спросила Вера.

— Я не знаю. Всё, что я помню, — как я стою в белой комнате, а мать держит меня за руку. Она плачет. Я спрашиваю, почему нельзя остаться с ней. Она отвечает, что однажды я должна буду вернуться. Потом приходит мальчик с деревянной лошадкой.

Он говорит, что моё имя не принадлежит мёртвым. А после этого я просыпаюсь в тумане.

Вера сжала игрушку, которую всё ещё держала в руке.

— Ты видела мальчика?

— Да.

— Что он тебе сказал?

Девочка посмотрела на деревянную лошадку.

— Что если я захочу жить, мне придётся вспомнить, кто отдал моё имя.

Её взгляд остановился на Каэле.

Он стоял неподвижно.

— Я? — спросил он.

— Я не знаю.

— Но ты думаешь, что это был я.

— Я думаю, что ты был единственным, кто мог это сделать.

Каэл опустил голову. В его лице не было попытки оправдаться. Только усталость человека, которому снова предъявили счёт за поступок, совершённый в другой жизни.

— Тогда мы должны выяснить, что произошло, — сказал он.

— Мы? — Девочка горько усмехнулась. — Ты даже не помнишь меня.

— Это не значит, что я не могу помочь.

— А если, чтобы помочь мне, тебе придётся снова что-то отдать?

Каэл поднял на неё глаза.

— Я ничего не стану отдавать, пока не узнаю, чего от меня требуют и кто получит эту плату.

Вера посмотрела на него с неожиданной гордостью. Когда-то он заключал договоры, не задавая вопросов, потому что верил, будто чужую боль можно исправить собственной. Теперь, лишившись бессмертия и памяти, он, возможно, впервые научился останавливаться перед выбором.

Но архив не собирался давать им время.

Сначала дрогнул пол. Потом книги на полках начали открываться сами собой. Страницы перелистывались с бешеной скоростью, и из каждого тома исчезали строки. Имена срывались с бумаги, превращаясь в крошечные чёрные искры. Они взлетали под потолок, кружились там, словно стая испуганных птиц, а затем исчезали в темноте.

Архивариус бросился к ближайшему стеллажу.

— Назад! Не касайтесь страниц!

Вера отступила, но одна из книг упала прямо перед ней. Переплёт раскрылся, и на пожелтевшей странице возникло имя.

ВЕРА ЭСТЕЛЬ.

Она замерла.

Буквы были написаны кровью.

Под именем проступила дата рождения, а ниже — ещё одна строка, которой раньше не было.

ПОСЛЕДНЯЯ ПАМЯТЬ: ЛИЦО МАТЕРИ.

— Нет, — прошептала Вера.

Она бросилась к книге.

Архивариус попытался остановить её, но не успел. Вера схватила переплёт и прижала страницу к груди. Кровавые буквы вспыхнули, обжигая пальцы.

В голове раздался женский голос.

Не тот, который она слышала в воспоминании Каэла. Другой — знакомый до боли.

— Вера, девочка моя...

Она забыла, как дышать.

Голос матери был совсем рядом. Он звучал так ясно, будто женщина стояла за её спиной и гладила её по волосам.

— Мамочка? — выдохнула Вера.

На странице появилась новая строка.

ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ВСПОМНИТЬ МОЁ ЛИЦО, ОТДАЙ МНЕ СВОЁ ИМЯ.

Вера почувствовала, как книга потянула её к себе.

Не руками — памятью.

В одно мгновение перед ней возникло лицо матери. Она увидела морщинку у левого глаза, тёмные волосы, выбившиеся из-под платка, родинку возле губ. Увидела улыбку, которую не могла вспомнить с самого утра.

Она увидела всё.

И поняла, что это не воспоминание.

Лицо матери медленно поворачивалось к ней, но глаза оставались пустыми. Улыбка становилась всё шире, пока не превратилась в неподвижную чёрную линию.

— Отдай мне своё имя, — повторил голос.

Вера разжала пальцы.

Книга упала на пол.

Каэл оказался рядом прежде, чем она успела пошатнуться. Он схватил её за плечи и удержал, не позволяя упасть.

— Вера!

Она подняла голову.

— Ты... — начала она.

— Я здесь.

— Ты меня помнишь?

Он смотрел на неё с отчаянным усилием, словно пытался удержать ускользающий образ.

— Я не знаю, кто ты, — произнёс он. — Но я знаю, что не хочу, чтобы ты исчезла.

Вера закрыла глаза.

Этого было мало.

И всё же это было больше, чем она ожидала.

За их спинами девочка закричала.

На её запястье один из трёх красных узелков лопнул. Из-под него выступила кровь, но вместо того, чтобы стечь по руке, она поднялась в воздух тонкой алой нитью. Нить потянулась к чёрной книге и впилась в обложку.

Книга раскрылась.

На этот раз её страницы были совершенно пусты.

Посреди первой страницы появилась одна фраза:

«ПОСЛЕДНЯЯ ДОЧЬ ДОЛЖНА ВЕРНУТЬ СЕБЕ ИМЯ, ИНАЧЕ ПЕРВАЯ ЗАБУДЕТ, КТО ОНА».

Вера медленно повернулась к девочке.

— Что это значит?

Девочка смотрела на собственное запястье. На месте первого узелка остался тонкий красный след.

— Я не знаю, — прошептала она. — Но теперь я помню ещё кое-что.

— Что?

Девочка подняла голову. В её чёрных глазах отражались сотни исчезающих букв.

— У меня была сестра.

Она перевела взгляд на Веру.

— И мне кажется, что это ты.

Глава 5

И мне кажется, что это ты.

Слова девочки повисли в воздухе.

Вера смотрела на неё, ожидая, что та сейчас отступит, рассмеётся или хотя бы признается, что ошиблась. Но серебристые волосы незнакомки неподвижно лежали на плечах, а в чёрных глазах не было ни насмешки, ни сомнения. Только страх, который она слишком долго училась скрывать.

— Прекрасно, — наконец произнесла Вера. — Значит, теперь я не только должна спасать мир от забвения, но и обзавелась сестрой, о которой никогда не слышала. Осталось выяснить, не являюсь ли я заодно собственной бабушкой.

Девочка не улыбнулась.

— Я не шучу.

— А я пытаюсь не сойти с ума. У каждого свои способы.

Вера отпустила плечо Каэла и выпрямилась. В груди всё ещё неприятно тянуло после того, как книга попыталась забрать её имя. Она чувствовала себя так, словно кто-то вытащил из неё несколько невидимых нитей, а затем поспешно связал оставшиеся, чтобы она не рассыпалась на части.

— Почему ты решила, что я твоя сестра?

— Я не решила. Я вспомнила.

— Это разные вещи.

— Для тебя — возможно.

— Послушай, я понимаю, что у тебя отняли имя, что ты не помнишь своего прошлого и что тебе, вероятно, хочется найти хоть какую-то опору. Но я не собираюсь становиться частью чужой истории только потому, что тебе привиделось сходство.

— Я не выбирала тебя, Вера.

Девочка произнесла её имя с такой осторожностью, словно оно могло обжечь язык.

— Я просто увидела тебя в памяти.

— В чьей памяти?

— В своей.

— Тогда расскажи, что именно ты увидела.

Девочка закрыла глаза.

— Белая комната. Две кровати. Одна возле окна, другая у стены. Мать сидит между ними и держит нас за руки. Ты плачешь, потому что у тебя разбито колено. Я смеюсь над тобой, а ты обещаешь, что однажды заставишь меня пожалеть об этом.

Вера невольно усмехнулась.

— Звучит правдоподобно. Я и сейчас способна пообещать кому-нибудь неприятности из-за разбитого колена.

— Потом входит отец. Он говорит, что одной из нас придётся уйти.

Улыбка исчезла с лица Веры.

— Какой отец?

— Я не знаю. Я не вижу его лица. Только руки. На одном пальце у него кольцо с чёрным камнем.

Архивариус резко поднял голову.

— Что ты сказала?

Девочка обернулась к нему.

— Кольцо с чёрным камнем. Я помню его.

Старик медленно приблизился. Впервые за всё время он казался по-настоящему встревоженным.

— Ты уверена?

— Я помню его руки. Он гладил меня по голове и говорил, что я должна быть хорошей девочкой. Потом мать начинала плакать. А ты...

Она снова посмотрела на Веру.

— Ты вставала между ними и говорила, что никто не заберёт меня, пока ты жива.

Вера ощутила, как холодеет затылок.

Она не помнила белой комнаты. Не помнила двух кроваток, женщины с серебряными волосами или мужчины с кольцом. Её детство было другим: тесные комнаты, запах трав, скрип половиц и материнские руки, пахнущие мятой. Никаких королевских покоев. Никаких сестёр.

По крайней мере, она всегда так думала.

— Это невозможно, — сказала она.

— Почему?

— Потому что я выросла в Нижнем городе. Моя мать жила там всю жизнь. Я знаю, где родилась, где училась ходить, где впервые разбила нос и где однажды украла у пекаря целую корзину яблок. Я помню свой дом.

— Но ты не помнишь лицо матери.

Вера замолчала.

Девочка не отвела взгляда.

— Ты помнишь всё вокруг неё, — продолжила она. — Её голос, руки, запах трав. Но не лицо. Может быть, потому, что это лицо принадлежало не той женщине, которую ты называешь матерью.

— Хватит.

— Вера...

— Я сказала, хватит!

Её голос ударился о высокие своды и разлетелся эхом между стеллажами.

На мгновение все книги в зале замерли. Даже чёрные искры, кружившиеся под потолком, остановились в воздухе.

Затем с дальнего стеллажа упал тяжёлый том.

Его переплёт ударился о камень, и по залу прокатился сухой треск.

Архивариус бросился к книге, но она раскрылась сама.

На странице было написано одно слово:

СЕСТРА.

Буквы проступили из бумаги, словно их выдавливали с обратной стороны.

Вера почувствовала, как что-то коснулось её затылка.

Она обернулась.

За спиной никого не было.

— Не произноси это слово здесь, — сказал Архивариус.

— Почему?

— Потому что архив слышит не только имена. Он слышит всё, что способно связать одного человека с другим.

— И что он сделает?

— Найдёт связь. А затем решит, кому из вас она принадлежит.

Вера посмотрела на девочку.

— Ты говорила, что я твоя сестра. Если это правда, почему ты не помнишь моего имени?

— Потому что оно было отдано вместо моего.

— Кем?

Девочка посмотрела на Каэла.

Он стоял чуть в стороне, внимательно наблюдая за ними. В его лице появилось что-то новое — не узнавание, а беспокойство, которое он не мог объяснить даже самому себе.

— Ты думаешь, это сделал я? — спросил он.

— Я ничего не думаю. Я помню только то, что мне оставили.

— Тогда мне придётся узнать остальное.

— Ты уже пытался.

Каэл медленно сжал пальцы.

— И что произошло?

— Ты забыл.

Вера заметила, как изменилось его лицо. Он не стал спорить, не потребовал доказательств. Но она увидела, что эти слова задели его сильнее, чем он хотел показать.

— Я не стану просить тебя доверять мне, — сказал он девочке. — У тебя нет причин это делать. Но я хочу понять, почему моё имя связано с твоим исчезновением.

— Потому что ты был последним, кто помнил меня.

— А потом?

— Потом ты отдал свою смерть.

Каэл опустил глаза.

Вера знала, что он помнит о своём прошлом. Он не забыл, сколько людей убил, не перестал чувствовать вину за то, что совершил. Но сейчас между ним и этими воспоминаниями возникла новая пустота — та, которую нельзя было заполнить признанием или раскаянием.

Он не знал, что именно потерял.

И, возможно, это было страшнее всего.

— Архивариус, — сказала Вера, не отрывая взгляда от Каэла. — Вы говорили, что можете провести нас к тем, кто знает больше вас.

— Да.

— Тогда ведите.

— Куда?

— Туда, где хранятся записи о королевской семье. Мне нужны документы о рождении всех детей Серефины. Не официальная родословная, а настоящая. С именами, датами и свидетельствами.

Архивариус посмотрел на неё с выражением, которое могло означать и уважение, и жалость.

— Вы не понимаете, что просите.

— Это становится нашей общей привычкой.

— Записи о королевских детях были уничтожены.

— Значит, найдём то, что их уничтожило.

— Некоторые документы нельзя прочесть, не заплатив за это воспоминанием.

— А некоторые люди уже начали терять воспоминания, даже не читая документов.

Думаю, мы можем себе позволить рискнуть.

Архивариус молчал.

Вера шагнула к нему.

— Вы ведь знаете, где искать.

— Знаю.

— Тогда хватит тянуть время.

Старик посмотрел на девочку, затем на Каэла. Наконец он тяжело вздохнул.

— Есть одно место. Старое хранилище под западным крылом дворца. Оно было закрыто ещё при Эдварде. Там держали записи о тех, чьё существование король считал нежелательным.

— И вы никогда не пытались туда попасть? — спросила Вера.

— Пытался.

— Что случилось?

— Я забыл, зачем пришёл.

Вера не нашла, что ответить.

Архивариус поднял руку и указал на узкий проход между стеллажами.

— За этой дверью находится лестница к водному залу. Оттуда можно вернуться в город, а затем добраться до дворца. Но я должен предупредить вас: если хранилище всё ещё существует, оно не позволит открыть свои двери тому, кто не готов узнать правду.

— А если мы готовы?

— Тогда оно заберёт у вас то, что вы считаете самым ценным.

Вера посмотрела на Каэла.

— В таком случае пусть попробует.

Путь обратно оказался длиннее, чем дорога в архив.

Водный зал представлял собой круглую камеру, в центре которой находился неглубокий бассейн. Вода в нём была совершенно чёрной. Ни потолок, ни стены не отражались на поверхности — только лица тех, кто стоял у края.

Вера увидела своё отражение и остановилась.

Лицо было её собственным. Бледная кожа, тёмные волосы, усталые глаза. Но стоило ей моргнуть, как отражение запаздывало на долю секунды.

Вера подняла руку.

Отражение осталось неподвижным.

— Не смотри в воду, — предупредил Архивариус.

Она поспешно отвела взгляд.

— Что там?

— То, что ты могла бы вспомнить.

— А если я захочу?

— Тогда вода покажет тебе воспоминание, которое ты потеряла. Но не обязательно твоё.

Вера посмотрела на девочку.

— Ты уже смотрела?

Та кивнула.

— Я увидела мать. Она стояла на берегу и звала меня. Я пошла к ней, но вода стала глубже. Когда я почти добралась, она сказала, что не узнаёт меня.

— И что ты сделала?

— Вернулась.

— Почему?

Девочка посмотрела на неё так, будто ответ был очевиден.

— Потому что она меня не узнала.

Вера почувствовала, как внутри что-то сжалось.

Она вдруг поняла, что боится не самого забвения. Не пустых страниц, не исчезающих имён и не таинственного существа, которое могло жить в чужих воспоминаниях.

Она боялась однажды встретить мать и увидеть в её глазах пустоту.

Боялась, что та посмотрит на неё, как Каэл смотрел сейчас, — без злобы, без жестокости, просто не узнавая.

— Нам нужно идти, — сказала она.

Архивариус протянул ей небольшой стеклянный флакон.

Внутри плескалась капля прозрачной жидкости.

— Что это?

— Вода из первого колодца. Если почувствуешь, что забываешь, зачем пришла, открой флакон и произнеси своё имя.

— И это поможет?

— Нет. Но ты хотя бы поймёшь, что забвение началось.

Вера посмотрела на него с недоверием.

— Вы умеете утешать.

— Я не утешаю. Я предупреждаю.

Она убрала флакон в карман.

— А если я забуду собственное имя?

Архивариус не ответил.

И этого оказалось достаточно.

Вера шагнула в бассейн первой.

Вода поднялась ей до щиколоток, затем до колен, но не намочила одежду. Под ногами не было дна. Вместо камня ощущалась упругая поверхность, похожая на натянутую ткань.

Каэл вошёл следом.

Девочка задержалась у края.

— Ты идёшь? — спросила Вера.

— Я боюсь.

Это признание прозвучало так неожиданно, что Вера не сразу нашлась с ответом.

Девочка смотрела на чёрную воду, и её пальцы дрожали.

— Я боюсь, что если перейду, то забуду, как выглядела мать. Боюсь, что забуду, как звучал её голос. А если забуду это, что от меня останется?

Вера протянула ей руку.

— Я не могу обещать, что мы ничего не потеряем. Но я могу пообещать, что не позволю тебе исчезнуть молча.

Девочка посмотрела на её ладонь.

— Ты ведь даже не знаешь, кто я.

— Знаю. Ты человек, которому страшно. Пока этого достаточно.

Несколько секунд девочка колебалась, а затем взяла её за руку.

Вода сомкнулась над их головами.

Они вышли из колодца под серым утренним небом.

Вейрхольм оставался таким же пустым, как прежде. Дома стояли с распахнутыми дверями, на окнах висели выцветшие занавески, а на улицах не было ни единого следа человеческого присутствия.

Но теперь Вера заметила то, чего не видела раньше.

На каждой двери висела маленькая серебряная пуговица с изображением глаза.

Их были десятки. Сотни.

Одни потемнели от времени, другие выглядели новыми. На некоторых виднелись инициалы, на других — крошечные знаки, которые Вера не могла разобрать.

— Что это? — спросила она.

Архивариус выбрался из колодца последним и внимательно осмотрел улицу.

— Метки.

— Чьи?

— Тех, кого город забыл.

Вера подошла к ближайшему дому. Пуговица висела на ржавом гвозде. Она коснулась её кончиком пальца, и в голове раздался детский смех.

На мгновение перед ней возник мальчик лет шести. Он сидел на полу и катил по доскам деревянную лошадку. Рядом стояла женщина, лица которой Вера не смогла разглядеть.

— Мама, — сказал мальчик, — а когда папа вернётся?

Женщина присела рядом.

— Скоро, милый.

— Ты обещаешь?

Она не ответила.

Воспоминание исчезло.

Вера отдернула руку.

— Здесь жили люди.

— Да, — сказал Архивариус. — И каждый из них оставил имя, которое кто-то пытался сохранить.

— Кто?

— Тот, кто живёт в именах.

Вера посмотрела на улицу, усыпанную серебряными метками.

— Почему он сохраняет их, если сам стирает людей?

— Возможно, он не стирает. Возможно, он собирает.

— Зачем?

— Чтобы однажды вернуть всё сразу.

Каэл нахмурился.

— Это похоже на то, что пытался сделать Эдвард.

— Нет, — возразил Архивариус. — Эдвард хотел вернуть тех, кого потерял. Он знал, кого ищет. А это существо собирает имена людей, о которых никто больше не помнит. Оно не знает, кого возвращает. И, вероятно, ему всё равно.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Тогда что произойдёт, если оно вернёт их всех?

— Я не знаю.

— Вы слишком часто это говорите.

— Потому что вы слишком часто задаёте вопросы, на которые никто не должен был отвечать.

Они покинули город, когда солнце поднялось над туманом. Дорога к столице тянулась вдоль реки, и впервые за всё время Вера заметила, что вода течёт в обратную сторону.

Она остановилась.

— Каэл, посмотри.

Он обернулся.

Река двигалась от моря к истоку. На поверхности плыли листья, ветки и маленькие белые цветы, которые не могли расти в это время года.

— Это нормально? — спросил он у Архивариуса.

— Нет.

— Вы хотя бы иногда отвечаете что-нибудь обнадёживающее?

— Когда есть основания.

Вера присела у берега и коснулась воды.

Она увидела десятки лиц.

Старики, дети, женщины, мужчины. Одни плакали, другие смеялись, третьи смотрели на неё с выражением, которое невозможно было понять. Их губы двигались беззвучно.

Затем все лица повернулись в одну сторону.

И заговорили одновременно.

— Помни нас.

Вера отшатнулась.

Каэл схватил её за руку и оттащил от воды.

— Что ты увидела?

Она тяжело дышала.

— Людей.

— Каких людей?

— Тех, кого забыли.

Архивариус побледнел.

— Они не должны были проснуться.

— Почему?

— Потому что если мёртвые начинают просить, чтобы их помнили, значит, кто-то уже начал забирать память у живых.

Он посмотрел на девочку.

Та стояла неподвижно, глядя на реку. На её запястье теперь оставались только два красных узелка.

— Один исчез, — прошептала она.

Вера подошла к ней.

— Что это значит?

Девочка медленно подняла голову.

— Я вспомнила, что однажды уже была здесь.

— В Вейрхольме?

— Нет. На берегу этой реки. Только тогда она текла в другую сторону.

— Когда?

Девочка посмотрела на Каэла.

— В тот день, когда ты привёл меня к королю.

Каэл застыл.

— Я никогда не приводил тебя к королю.

— Ты не помнишь.

— Я бы не стал...

Он замолчал.

Вера видела, как он пытается найти в себе хоть что-то, что подтвердило бы или опровергло слова девочки. Но память не отвечала. Только сердце билось под рубашкой — живое, уязвимое, не способное защитить его от прошлого.

— Что произошло при дворе? — спросила Вера.

Девочка посмотрела на неё, и в её глазах появилось выражение, которого Вера прежде не видела.

Стыд.

— Я не знаю. Но я помню, что ты была там.

— **Я?**

— Ты стояла рядом с матерью. Ты была старше меня. На тебе было тёмное платье, а в волосах — серебряная заколка. Ты плакала и просила короля не забирать меня.

Вера почувствовала, что земля уходит у неё из-под ног.

— Я никогда не была при дворе.

— Я знаю.

— Откуда?

Девочка осторожно коснулась её руки.

— Потому что потом ты исчезла.

Вера отступила.

— Нет. Я не исчезала. Я жила в Нижнем городе. Я росла, училась, работала. У меня была мать...

Она осеклась.

Лицо матери снова ускользнуло.

На этот раз Вера не стала пытаться его вспомнить.

Она посмотрела на Каэла.

— Нам нужно попасть во дворец.

— Да, — ответил он.

— И если выяснится, что я действительно была частью этой истории, ты расскажешь мне всё, что узнаешь. Даже если правда окажется ужасной.

Каэл долго смотрел на неё.

— Обещаю.

Вера невольно вздрогнула.

— Не надо.

— Что?

— Не давай обещаний, которых не сможешь выполнить.

Он опустил глаза.

— Тогда я скажу иначе. Я постараюсь не скрывать от тебя правду. Даже если она будет касаться меня самого.

Вера кивнула.

Это было честнее.

Они продолжили путь.

К полудню впереди показались башни столицы. Но чем ближе они подходили, тем сильнее Вера ощущала странную тревогу. Город выглядел знакомым и одновременно чужим. На воротах не было королевских знамён. Стражники стояли молча, не обращая внимания на прохожих. А над главной башней развевался чёрный флаг, которого Вера никогда прежде не видела.

На его полотнище был вышит серебряный глаз.

— Что произошло? — спросила она.

Архивариус не ответил.

Они подошли к воротам.

Стражник преградил им дорогу, подняв копьё.

— Назовите себя.

— Вера Эстель, — ответила Вера.

Стражник нахмурился.

— Такого имени нет в списках.

— Тогда запишите.

— Я не могу записать то, чего не существует.

Вера почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Что вы имеете в виду?

Стражник открыл книгу учёта и повернул её к ней.

На странице были перечислены имена всех, кто вошёл в столицу за последние дни. Вера увидела знакомые фамилии, даты, пометки. Но между двумя записями оставалась пустая строка, будто кто-то вырвал из книги целый лист.

— Здесь должно быть моё имя, — сказала она.

— Возможно, когда-то и было.

— Я проходила через эти ворота.

— Я вас не помню.

Вера обернулась к Каэлу.

Он смотрел на неё с тревогой, но не произнёс ни слова.

Стражник опустил копьё.

— Простите, госпожа. Я не хотел вас обидеть. Но если ваше имя исчезло из списков, вам придётся обратиться в канцелярию.

— А где она?

— Во дворце.

Вера посмотрела на чёрный флаг над башней.

— Тогда мы идём туда.

Стражник отступил, освобождая дорогу.

Когда они проходили мимо него, он вдруг окликнул Каэла:

— Господин!

Каэл обернулся.

Стражник смотрел на него с неподдельным ужасом.

— Вы... вы ведь умерли.

Каэл медленно подошёл к нему.

— Мы знакомы?

Стражник побледнел.

— Нет. То есть... я не знаю. Я помню, как вас хоронили. Помню закрытый гроб. Помню, как король приказал не произносить ваше имя.

— Какой король? — спросила Вера.

Стражник открыл рот.

И забыл.

Его лицо стало пустым. Он посмотрел на собственную книгу, затем на копьё в руках, словно не мог понять, как оказался у ворот.

— Простите, — пробормотал он. — Я, кажется, устал.

Вера схватила Каэла за руку.

— Нам нужно внутрь. Немедленно.

Они прошли через ворота и направились к дворцу.

На площади перед ним стоял огромный памятник. Раньше здесь возвышалась статуя Эдварда Второго, но теперь её заменил каменный постамент с пустым местом наверху. На лицевой стороне было высечено:

«КОРОЛЬ, ЧЬЁ ИМЯ БЫЛО ЗАБЫТО, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВОЗВРАЩЁН».

Под надписью кто-то нацарапал три слова.

«ОН ВСЁ ЕЩЁ СЛУШАЕТ».

Вера остановилась.

— Мы должны были остаться в архиве, — тихо сказала она.

— Почему? — спросил Каэл.

Она посмотрела на дворец, на чёрный флаг и на пустой постамент.

— Потому что, кажется, нас уже ждали.

И в этот момент все колокола столицы ударили одновременно.

На этот раз никто не забыл имя.

Забыли лица.

Люди на площади остановились, обернулись друг к другу и начали кричать. Матери не узнавали детей. Мужья смотрели на жён, словно видели их впервые. Старики хватались за головы, пытаясь вспомнить собственные отражения.

Вера увидела, как девочка рядом с ней закрыла глаза.

Один из двух оставшихся красных узелков лопнул.

И девочка прошептала:

— Я вспомнила, кто был нашим отцом.

Она открыла глаза и посмотрела на пустой постамент.

— Это был не Эдвард.

Вера почувствовала, как по коже пробежал ледяной холод.

— Тогда кто?

Девочка ответила не сразу.

Когда она заговорила, её голос стал совсем тихим.
— Человек, которого король боялся больше смерти.
И над ними, на самой высокой башне дворца, распахнулось окно.
В темноте за стеклом кто-то стоял.
Высокий, неподвижный силуэт.
Он поднял руку и приложил палец к губам.
Вера не смогла разглядеть его лица.
Но на его руке сверкнуло кольцо с чёрным камнем.

Глава 6

Колокола замолчали, но площадь продолжала кричать.
Вера никогда не слышала столько человеческого страха одновременно. Он поднимался над мостовой хрипылыми голосами, срывался на детский плач, превращался в бессвязные вопросы. Люди хватали друг друга за плечи, заглядывали в лица близких, называли имена, словно могли удержать исчезающую реальность одним только звуком.

— Мама? — кричала девочка в красном пальто, тряся женщину за руку. — Мама, это я! Посмотри на меня!

Женщина смотрела на неё с ужасом.

— Кто ты? Отпусти меня!

Мальчик лет десяти пытался удержать за рукав старика, который отталкивал его, повторяя, что никогда не видел этого ребёнка. Молодой мужчина упал на колени посреди площади и принялся ощупывать собственное лицо, будто надеялся обнаружить на нём подсказку, способную вернуть ему самого себя.

Вера не могла отвести взгляда.

Она видела, как люди теряют не просто воспоминания. Они теряли право быть знакомыми друг другу. Их общая жизнь распадалась на отдельные, бессвязные дни, и никто уже не мог доказать, что когда-то любил, заботился, ждал.

— Нам нужно во дворец, — сказала она.

— Ты видела, что произошло? — спросил Каэл.

— Видела.

— И всё равно хочешь идти туда, откуда это началось?

— Особенно поэтому.

Он посмотрел на неё с раздражением, которое показалось Вере почти родным.

— Вы всегда так поступаете?

— Как?

— Бежите навстречу опасности, даже не выяснив, что она собой представляет.

— Нет. Иногда я сначала ругаюсь.

— И это помогает?

— Мне — да. Остальным приходится терпеть.

Каэл едва заметно усмехнулся, но тут же посерьёзnel. Он оглядел площадь, пытаясь найти источник происходящего. В его движениях ещё сохранялась привычная собранность человека, который когда-то отвечал за чужие смерти. Однако теперь он не мог полагаться на прежнюю силу. Он был смертным, а его память оставалась израненной, словно кто-то вырвал из неё самые важные страницы.

— Ты должен держаться рядом, — сказала Вера.

— Почему?

— Потому что ты только что забыл меня, потом вспомнил, а затем снова забыл. Я не хочу проверять, сколько раз это может повториться, прежде чем ты начнёшь считать меня подозрительной незнакомкой с дурным характером.

— Возможно, вы и есть подозрительная незнакомка с дурным характером.

— Вот видишь? Прогресс. Уже почти узнаёшь меня.

Каэл посмотрел на неё внимательнее.

— Я не помню вас, Вера. Но, когда вы говорите, мне кажется, что я должен был бы помнить.

Она не ответила.

Вера боялась именно этого. Не полного исчезновения, а остатков — крошечных осколков чувства, которые могли сохраниться в нём после того, как память была уничтожена. Они давали надежду и тут же причиняли боль, потому что не обещали ничего, кроме новых потерь.

— Тогда не пытайся вспоминать, — произнесла она наконец. — Просто смотри, что происходит сейчас.

— Это совет или приказ?

— Редкий случай, когда я сама не знаю.

Они двинулись к дворцу.

Архивариус шёл впереди, не оглядываясь. Девочка держалась рядом с Верой, и та заметила, что её серебряные волосы стали почти белыми. На запястье остался один красный узелок. Два других исчезли, словно их никогда не существовало.

— Ты чувствуешь себя хуже? — спросила Вера.

— Нет.

— Не лги.

— Я не лгу. Я просто не знаю, что чувствую.

Девочка посмотрела на людей, метавшихся по площади.

— Когда исчез первый узелок, я вспомнила, что у меня была сестра. Когда исчез второй — вспомнила отца. Теперь я помню, что он сделал с нами.

— Что именно?

— Он разделил нас.

— Кого?

— Нас с тобой.

Вера остановилась.

Девочка тоже остановилась, но не повернулась к ней.

— Я не знаю, как это объяснить, — продолжила она. — Воспоминания приходят кусками. Иногда я вижу комнату, иногда слышу голоса. Иногда мне кажется, что я прожила целую жизнь, а потом понимаю, что помню только один день.

— Ты говоришь о том, что мы были сёстрами?

— Да.

— И ты уверена, что это не ложное воспоминание?

Девочка покачала головой.

— Нет. Но я уверена, что оно моё.

Вера хотела задать ещё один вопрос, но Архивариус резко поднял руку.

— Тише.

Они остановились у широкого перекрёстка перед дворцовым мостом.

На противоположной стороне стоял человек в чёрном плаще. Его лицо скрывал капюшон, а руки были сложены перед собой. Он не двигался, не пытался привлечь их внимание и, казалось, совершенно не замечал хаоса на площади.

Вера узнала кольцо на его пальце.

Чёрный камень.

— Это он, — прошептала девочка.

Архивариус побледнел.

— Нет. Не может быть.

— Ты знаешь его? — спросила Вера.

— Я знаю кольцо.

— А человека?

Старик медленно покачал головой.

— Нет.

— Удивительно, как часто здесь встречаются люди, которых никто не знает, но все боятся.

Человек в чёрном плаще поднял голову.

Вера не увидела его лица, но почувствовала, что он смотрит прямо на неё.

Затем он заговорил.

— Вера Эстель.

Его голос прозвучал негромко, однако она услышала каждое слово сквозь крики, плач и шум толпы.

Каэл шагнул перед ней.

— Не отвечай, — сказал Архивариус.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что он назвал тебя.

— Меня и без того все называют.

— Не так.

Человек снова произнёс её имя:

— Вера Эстель.

На этот раз она почувствовала, как что-то внутри откликнулось. Не память, не страх — скорее внезапное узнавание, будто она услышала собственный голос, прозвучавший из чужого рта.

— Кто вы? — крикнула она.

Архивариус схватил её за руку.

— Я просил тебя не отвечать!

Но было поздно.

Человек в чёрном плаще медленно снял капюшон.

Перед ними стоял мужчина лет пятидесяти, с тёмными волосами, тронутыми сединой, и лицом, на котором время оставило следы усталости, но не старости. У него были правильные черты, тонкие губы и спокойные глаза человека, привыкшего к тому, что окружающие выполняют его просьбы ещё до того, как он закончит говорить.

Вера не знала его.

И всё же, когда он посмотрел на неё, у неё возникло желание отступить.

Не из страха перед угрозой. Из страха перед правдой.

— Меня зовут Элиас, — сказал мужчина. — Хотя, вероятно, ты никогда не слышала этого имени.

Девочка издала короткий, сдавленный звук.

— Отец...

Элиас перевёл на неё взгляд.

— Здравствуй, дитя.

Она отступила, наткнувшись на Веру.

— Нет, — прошептала она. — Нет, ты не можешь быть здесь.

— Почему? — спросил мужчина. — Разве я не обещал тебе, что однажды мы встретимся снова?

— Ты сказал, что меня больше не будет!

— Я сказал, что никто не сможет тебя найти.

— Ты забрал моё имя!

Элиас не стал отрицать.

— Да.

Вера почувствовала, как Каэл напрягся рядом с ней.

— Что вы с ней сделали? — спросил он.

Мужчина внимательно посмотрел на него.

— Каэл Вейр. Последний палач. Человек, который однажды решил, что способен обмануть смерть.

— Я больше не палач.

— Разумеется. Ты отдал то, что делало тебя бессмертным. И теперь ходишь по земле, как любой другой человек, уверенный, что смертность сделает его лучше.

— Я не уверен ни в чём, — ответил Каэл. — Но по крайней мере теперь понимаю, что за свои поступки придётся отвечать.

На лице Элиаса появилась тень улыбки.

— Ты всегда был хорош в красивых словах. Жаль, что память у тебя оказалась хуже.

Каэл побледнел.

— Вы знаете, что я забыл?

— Знаю, что ты забыл гораздо больше, чем думаешь.

Элиас перевёл взгляд на Веру.

— А ты, похоже, всё ещё задаёшь вопросы, на которые тебе не следует знать ответы.

— А вы, похоже, всё ещё считаете, что можете решать за других, что им следует знать.

— Я не решаю за тебя. Я пытаюсь не дать тебе совершить ту же ошибку, что и твоя мать.

Вера замерла.

— Что вы сказали?

— Твоя мать хотела спасти всех. Она верила, что любовь способна удержать человека в мире, даже когда сам мир отказывается признавать его существование. В конце концов она потеряла всё, что пыталась сохранить.

Вера почувствовала, как в груди поднимается гнев.

— Вы не имеете права говорить о ней.

— Возможно. Но это не сделает мои слова менее правдивыми.

— Вы знали её?

Элиас посмотрел на неё почти с нежностью.

— Лучше, чем ты можешь представить.

Вера шагнула вперёд, но Каэл удержал её за руку.

— Не надо, — тихо сказал он.

— Он знает мою мать.

— Именно поэтому не стоит позволять ему управлять разговором.

Элиас услышал их.

— Ты всё ещё пытаешься её защищать, Каэл? Даже не помня, кто она?

— Я защищаю человека, который стоит передо мной.

— Как благородно. И как бесполезно.

Мужчина сделал шаг к ним.

Архивариус немедленно встал между ним и Верой.

— Ты не имеешь права здесь находиться.

Элиас посмотрел на старика.

— А ты всё ещё притворяешься, что архив принадлежит тебе?

— Он принадлежит тем, чьи имена в нём хранятся.

— Тогда почему ты не помнишь половины из них?

Архивариус побледнел.

Элиас продолжил:

— Сколько имён ты потерял за последние сто лет? Сколько людей исчезло прямо у тебя на глазах? Ты называешь себя хранителем, но хранишь только собственную трусость.

— Замолчи.

— Ты мог остановить меня. Мог открыть хранилище, пока король ещё был жив. Мог сказать правду Каэлу, когда тот пришёл к тебе за помощью. Но ты предпочёл спрятаться среди книг и ждать, пока всё закончится само собой.

Архивариус дрожал.

Вера никогда не видела его таким. Даже перед чёрной книгой, даже когда исчезали имена, он сохранял спокойствие человека, который давно принял собственное бессилие. Теперь же казалось, что Элиас одним разговором разрушил то небольшое, что удерживало его на ногах.

— Ты не знаешь, что произошло, — произнёс старик.

— Я знаю всё, что ты пытаешься забыть.

Элиас повернулся к Вере.

— Ты хочешь знать, кто я?

— Да.

— Я был человеком, которому король доверил сохранить то, что нельзя было сохранить. Я был другом твоей матери. Я был тем, кто пытался удержать королевскую семью от распада, когда Эдвард решил, что смерть — всего лишь ошибка, которую можно исправить.

— И вы не смогли.

— Нет.

Впервые в голосе Элиаса прозвучала усталость.

— Я не смог. Но я нашёл способ исправить последствия.

— Вы забрали имя у девочки, — сказала Вера.

— Я спрятал его.

— Это одно и то же?

— Для того, кого ищет тот, кто живёт в именах, — да.

— А для неё?

Элиас посмотрел на девочку.

— Для неё это стало единственным способом выжить.

— Вы могли спросить её, хочет ли она такой жизни.

— Она была ребёнком.

— И что? Это давало вам право решать за неё?

— Я был её отцом.

— Это не ответ.

Элиас долго молчал.

— Нет, — наконец произнёс он. — Не давало.

Вера не ожидала такого ответа. Она приготовилась спорить, обвинять, требовать объяснений, но признание прозвучало слишком просто. В нём не было ни попытки оправдаться, ни желания заслужить прощение.

Только усталость.

И всё же это ничего не меняло.

— Вы говорите, что спасали её. Но теперь она не знает собственного имени, не помнит детства и боится даже произнести то, что осталось у неё в памяти. Это и есть ваше спасение?

— Нет. Это его цена.

— Тогда вы заплатили не своей ценой.

Элиас посмотрел на неё.

— Именно поэтому я позволил тебе найти меня.

Каэл резко поднял голову.

— Что?

— Вы оба ищете ответы. Вера хочет узнать, почему теряет память о матери. Ты хочешь узнать, почему забыл девочку. А она хочет вернуть своё имя. Я могу помочь вам всем.

— И чего вы потребуете взамен? — спросила Вера.

Элиас улыбнулся.

— Наконец-то правильный вопрос.

Он поднял руку с чёрным кольцом.

Камень внутри оправы был не чёрным, как показалось издалека. В его глубине двигалась крошечная светлая точка, похожая на звезду, отражённую в бездонной воде.

— Я не хочу ни вашей крови, ни ваших жизней, — произнёс Элиас. — Мне нужно, чтобы вы открыли хранилище под западным крылом дворца.

Архивариус резко повернулся к нему.

— Нет!

— Ты знаешь, что там.

— Там нет ничего, кроме разрушенных записей.

— Тогда тебе нечего бояться.

— Ты лжёшь.

Элиас не стал отвечать.

Вера посмотрела на Архивариуса.

— Что находится в хранилище?

Старик закрыл глаза.

— Запись о рождении последней дочери королевы Серефины.

Девочка судорожно вдохнула.

— Моё имя?

— Возможно, — ответил Архивариус. — Но не только оно.

— Что ещё?

— История того, почему её имя пришлось спрятать. И кто отдал его Каэлу.

Вера почувствовала, как сердце забилося быстрее.

— Вы сказали, что имя отдали вместо её имени. Что это значит?

Архивариус открыл глаза.

— Каэл не просто забыл девочку. Когда-то он согласился стать хранителем её имени. Он должен был помнить её за всех остальных, пока мир не сможет принять её существование.

— Я согласился? — спросил Каэл.

— Да.

— Почему я этого не помню?

— Потому что, когда ты отдал свою смерть, вместе с ней исчезла и часть клятвы, связывавшей тебя с девочкой. Но имя осталось запертым в другом месте.

— В хранилище, — догадалась Вера.

Архивариус кивнул.

Элиас опустил руку.

— Именно. Если мы откроем его, девочка сможет вернуть себе имя. Но есть одна проблема.

— Какая? — спросила Вера.

Мужчина посмотрел на неё.

— Хранилище откроется только тогда, когда последняя дочь назовёт имя первой.

Девочка побледнела.

— Но я не знаю её имени.

— Знаешь, — ответил Элиас. — Просто пока не помнишь.

Вера почувствовала, как у неё пересохло во рту.

— Какое отношение это имеет ко мне?

Элиас не ответил сразу. Он смотрел на неё так, словно видел не только её лицо, но и всё, что было спрятано за ним.

— Ты задаёшь неправильный вопрос, Вера.

— Тогда задайте правильный.

— Не «какое отношение это имеет ко мне», а «почему ты до сих пор жива».

На площади стало тихо.

Вера слышала, как где-то на крыше хлопнула дверь. Потом над городом пронёсся порыв ветра, хотя листья на деревьях оставались неподвижными.

— Что вы хотите сказать? — спросила она.

— Твоя мать умерла много лет назад. По крайней мере, так записано в городских книгах. Но ты помнишь её голос. Ты помнишь её руки. Ты помнишь дом, в котором выросла. И всё же не можешь вспомнить её лица.

Элиас сделал шаг ближе.

— Потому что лицо, которое ты помнишь, никогда не принадлежало твоей матери.

Вера почувствовала, как мир вокруг неё качнулся.

— Вы лжёте.

— Я бы хотел, чтобы это было ложью.

— Кто тогда был моей матерью?

Элиас посмотрел на девочку.

— Та, кто родила вас обеих.

Вера не смогла вдохнуть.

Девочка закрыла рот ладонью.

Каэл сделал шаг к Вере, но она отступила.

— Нет, — прошептала она. — Нет. Я знаю свою мать. Я помню её голос. Я помню, как она...

Она замолчала.

Воспоминание о руках, запахе трав и тёплом голосе внезапно показалось ей чужим. Не ложным — именно чужим, словно она всю жизнь носила в себе память другого человека и ни разу не усомнилась в её принадлежности.

— Кто была женщина, которая меня вырастила? — спросила Вера.

— Та, кто согласилась дать тебе жизнь, когда мир отказался признать твоё рождение.

— Почему?

Элиас отвёл взгляд.

— Потому что одна из дочерей Серефины должна была исчезнуть, чтобы другая могла остаться.

Вера посмотрела на девочку.

Теперь она заметила сходство. Не в чертах лица — они оставались разными, — а в выражении глаз, в том, как девочка чуть наклоняла голову, когда слушала, в едва заметном движении губ перед тем, как произнести трудное слово.

Она не хотела верить.

Но где-то глубоко внутри уже знала, что услышала правду.

— Кто из нас должен был исчезнуть? — спросила Вера.

Элиас не ответил.

За его спиной распахнулись двери дворца.

На верхней ступени стояла женщина в длинном тёмном платье. Её волосы были серебряными, а лицо — бледным, словно она много лет провела в комнате без окон. В руке она держала маленькую серебряную пуговицу с изображением глаза.

Вера не узнала её.

Но девочка рядом с ней упала на колени.

— Мама...

Женщина посмотрела на неё, затем на Веру.

В её глазах не было удивления.

Только бесконечная печаль.

— Вы обе должны были забыть меня, — сказала она. — Почему же вы до сих пор помните?

Глава 7

Женщина стояла на верхней ступени дворцового крыльца, и туман обходил её стороной.

Он стлался по камням, цеплялся за сапоги Элиаса, обвивал ноги Каэла, но, добравшись до женщины, расступался, словно наталкивался на невидимую стену. Её серебряные волосы лежали на плечах тяжёлыми волнами. Тёмное платье было старомодным, с высоким воротником и узкими рукавами, а на груди поблёскивала брошь в виде раскрытого глаза.

В руке женщина держала серебряную пуговицу.

Ту самую, которую Вера нашла на кухонном столе.

Девочка с тремя красными узелками на запястье опустила на колени. Её последнее воспоминание, казалось, было сильнее страха, сильнее боли, сильнее всего, что заставляло её бежать от дворца.

— Мама...

Женщина посмотрела на неё без удивления.

— Вы обе должны были забыть меня. Почему же вы до сих пор помните?

Голос был тихим, почти ласковым. И всё же от этих слов у Веры похолодели пальцы.

Она ожидала увидеть призрак. Или обманку, сотканную из чужих воспоминаний. Возможно, очередную уловку существа, которое жило в именах и умело подделывать лица умерших.

Но женщина отбрасывала настоящую тень.

На её виске пульсировала тонкая голубая жилка. Подол платья был запачкан дорожной грязью. А когда ветер наконец коснулся крыльца, серебряные пряди шевельнулись, открывая ухо с маленьким шрамом в форме полумесяца.

Живая.

Или настолько хорошо изображающая жизнь, что разница переставала иметь значение.

— Ты обещала, что вернёшься, — прошептала девочка.

Женщина опустила взгляд.

— Я возвращалась.

— Нет. — Девочка подняла голову. — Ты не приходила. Я ждала тебя в комнате с зеркалами. Я ждала, пока погаснут свечи. Я ждала, пока они заберут моё имя. Ты не пришла!

Последние слова сорвались на крик. Красный узелок на её запястье дёрнулся, будто под кожей натянули нить.

Женщина вздрогнула.

— Тише.

— Не говори мне «тише»!

Вера никогда прежде не слышала, чтобы безымянная девочка повышала голос. Обычно та говорила осторожно, словно каждое произнесённое слово могло привлечь чьё-то внимание. Теперь же в её голосе было столько ярости, что даже Каэл сделал шаг вперёд.

Женщина посмотрела на него.

И впервые на её лице появилось настоящее чувство.

Боль.

— Каэл.

Он застыл.

— Вы знаете меня?

— Я держала тебя на руках, когда ты был младенцем.

— Тогда вы знаете больше, чем я сам.

— Знаю.

— Прекрасно. — Он поднялся на ступень, не отводя взгляда от женщины. — Значит, вы можете начать с того, почему все вокруг знают моё прошлое лучше меня.

В его голосе звучала холодная вежливость, которой Вера уже успела научиться опасаться. Каэл говорил так, когда хотел скрыть растерянность. Раньше она знала это наверняка. Теперь знание осталось, а человек, к которому оно относилось, смотрел на неё как на незнакомку.

Вера ненавидела это сильнее, чем была готова признать.

— Ты стал похож на отца, — сказала женщина.

— Мне уже сообщили, что у меня есть отец. Судя по всему, это человек с чёрным кольцом, который предпочитает появляться из темноты и выдавать правду небольшими порциями. — Каэл кивнул на Элиаса. — Теперь выясняется, что у меня есть ещё и мать, о которой я ничего не помню. День становится всё интереснее.

Элиас не ответил.

Он стоял у подножия лестницы, сжав руку с чёрным кольцом в кулак. Впервые с момента их встречи он казался не человеком, который контролирует ситуацию, а человеком, который боится услышать следующий вопрос.

Вера заметила это и запомнила.

— Как вас зовут? — спросила она женщину.

Та перевела взгляд на неё.

И улыбнулась.

Улыбка оказалась страшнее любого крика.

— Ты задаёшь правильный вопрос, Вера Эстель. Жаль, что именно тебе я не могу на него ответить.

— Не можете или не хотите?

— Разница иногда заключается лишь в том, кто держит нож.

— Тогда давайте выясним, у кого он.

Вера спустилась на одну ступень, встав рядом с Каэлом. Она не прикоснулась к нему, хотя рука сама потянулась к его ладони. Ей хотелось убедиться, что он здесь, что у него есть пульс, что он не превратился окончательно в пустое место, в котором раньше жила её любовь.

Но она остановила себя.

Если он не помнил её, она не собиралась просить у него прежней близости. Даже если сердце продолжало вести себя так, словно ничего не изменилось.

Женщина внимательно посмотрела на них обоих.

— Вы всё ещё стоите рядом.

— Это запрещено? — спросила Вера.

— Нет. Просто удивительно.

— У меня сегодня удивительный день. Сначала выяснилось, что моя мать, возможно, была не моей матерью. Потом я узнала, что у меня есть сестра, которую мир старательно забыл. Теперь передо мной женщина, которая, похоже, знает, как устроена вся эта мерзость. Если вы собираетесь сказать, что всё это ради моего же блага, предупреждаю: я плохо переношу подобные объяснения.

На лице женщины мелькнуло что-то похожее на горечь.

— Ты всегда была такой.

— Какой?

— Упрямой. Ты ещё не умела говорить, но уже сердито смотрела на людей, которые пытались взять тебя на руки.

- Значит, мы знакомы?
- Гораздо ближе, чем ты думаешь.
- Тогда почему я не помню вас?

Женщина не ответила сразу. Она посмотрела на серебряную пуговицу в своей ладони, провела по ней большим пальцем и медленно закрыла пальцы.

- Потому что тебя научили помнить неправильно.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холод.

- Кто?

- Сначала твой отец. Потом те, кто пытался исправить его поступок. А затем ты сама.

- Я сама?

- Да.

- Вы хотите сказать, что я добровольно забыла собственную мать?

— Я хочу сказать, что иногда человек забывает не потому, что у него отняли память. Иногда он сам закрывает дверь, потому что за ней находится нечто, с чем он не способен жить.

Вера рассмеялась, но смех вышел коротким и злым.

— Удобно. Любую ложь можно оправдать тем, что я якобы сама попросила себя обмануть.

- Я не прошу тебя верить мне.

- Тогда чего вы хотите?

Женщина посмотрела на девочку, всё ещё стоявшую на коленях.

- Чтобы вы обе перестали искать то, что не должно быть найдено.

- Моё имя? — спросила девочка.

- Да.

- Почему?

- Потому что оно не просто принадлежит тебе.

Девочка медленно поднялась. В её глазах стояли слёзы, но она не позволила им пролиться.

- Ты говорила, что имя — это дверь.

- Так и есть.

- Тогда почему я не могу открыть свою?

- Потому что за этой дверью ждёт не только твоя жизнь.

- А что ещё?

Женщина впервые отвела взгляд.

Этого оказалось достаточно.

- Кто-то другой, — сказала Вера. — Кто-то, кто живёт в именах.

Женщина снова посмотрела на неё.

- Ты уже встречалась с ним.

- Я видела его следы.

— Нет, Вера. Ты встречалась с ним гораздо раньше, чем научилась различать мёртвых и живых.

Вера почувствовала, как что-то сжалось у неё под рёбрами.

Перед глазами на мгновение возникла белая комната. Два детских колыбельных ложа. Женщина с серебряными волосами, склонившаяся над ними. Чёрное кольцо на мужской руке. И маленькая девочка, которая тянулась к другой через узкую щель между кроватками.

Затем видение исчезло.

Вера пошатнулась.

Каэл успел подхватить её за локоть.

- Осторожно.

Его пальцы были тёплыми.

На одно короткое мгновение она забыла, что он её не помнит. Тело узнало прикосновение раньше разума: знакомая ладонь, крепкое запястье, едва заметное напряжение мышц, когда он удерживал её от падения.

Она посмотрела на него.

Каэл нахмурился, словно тоже почувствовал что-то неуловимое.

— Я... — начал он.

— Что?

Он отпустил её слишком быстро.

— Ничего.

Вера кивнула.

Конечно. Ничего.

С некоторых пор это слово преследовало её чаще, чем призраки.

— Нам нужно войти во дворец, — сказал Элиас. — Здесь небезопасно.

— А когда будет безопасно? — спросила Вера. — Когда мы забудем собственные лица?

— Если колокол продолжит звонить, скоро и этого будет недостаточно.

— Тогда объясните, что происходит.

Элиас посмотрел на женщину.

— Это должна сделать она.

— Нет, — ответила та.

— Серефина...

Имя повисло в воздухе.

В ту же секунду девочка схватилась за запястье и закричала.

Последний красный узелок вспыхнул, словно внутри него разгорелся огонь. Тонкая нить под кожей натянулась. На белом рукаве проступила алая точка, а затем ещё одна — будто невидимая игла прокалывала руку изнутри.

— Замолчи! — крикнула женщина.

Но было поздно.

Серебряная пуговица в её ладони раскалилась. Женщина разжала пальцы, и маленький предмет упал на каменную ступень.

Он не звякнул.

Вместо этого раздался тихий детский смех.

Вера знала этот смех.

Она слышала его в архиве, у колодца, возле мальчика с деревянной лошадкой. Смех звучал из тех мест, где память становилась ловушкой, а забытое начинало шевелиться.

Каэл выхватил нож.

— Кто здесь?

Смех прекратился.

На камнях перед женщиной появилась тень. Не её тень — она лежала в другой стороне, вытянутая тусклым светом дворцовых фонарей. Новая тень была маленькой, детской. Она стояла на четвереньках, словно ребёнок ползал по полу.

Потом медленно поднялась.

У неё не было головы.

Вера отступила на шаг. Сердце ударило так сильно, что на мгновение заглушило остальные звуки.

Женщина закрыла глаза.

— Он слышал.

— Кто? — спросил Каэл.

— Тот, кто живёт в именах.

— Вы сказали, что это не Эдвард, — напомнила Вера.

— Это не Эдвард. И никогда им не было.

— Тогда что это?

Женщина открыла глаза. Теперь в них не осталось ни нежности, ни усталости — только ужас человека, который увидел приближение давно ожидаемой беды.

— То, что существовало до первого имени.

Безголовая тень повернулась к девочке.

Та перестала кричать. Её губы шевельнулись, но Вера не слышала ни звука.

На запястье лопнул последний красный узелок.

Вместе с ним исчезло что-то невидимое.

Девочка посмотрела на свои руки, потом на женщину.

— Я... — прошептала она. — Я не помню...

— Не смей! — Женщина бросилась к ней, но остановилась, не дойдя нескольких шагов.
— Не пытайся произнести его!

— Я не помню, что я хотела сказать.

В её голосе не было боли. Это было хуже.

Она действительно не помнила.

Вера рванулась к ней, но тень оказалась быстрее. Безголовая фигура скользнула по камням и коснулась ступни девочки.

Та пошатнулась.

Каэл бросился вперёд. Его нож рассёк воздух, прошёл сквозь тень и ударил в камень. Из трещины брызнули чёрные капли, которые тут же исчезли, словно их никогда не существовало.

— Назад! — крикнул Элиас.

Он поднял руку с чёрным кольцом. На его поверхности проступили тонкие серебряные знаки, и воздух вокруг лестницы задрожал. Тень замерла, но не отступила. Она словно прислушивалась к чему-то, чего остальные не могли слышать.

Женщина схватила девочку за плечи.

— Посмотри на меня. Слышишь? На меня!

Девочка подняла глаза.

— Кто ты?

Вопрос прозвучал так просто, что Вера сначала не поняла его смысла.

Женщина побледнела.

— Я твоя мать.

— У меня была мать?

— Да.

— Как её звали?

Серефина не ответила.

И тогда девочка улыбнулась — робко, растерянно, будто пыталась поддержать незнакомую женщину, которой стало плохо.

— Не плачь. Я постараюсь вспомнить.

Вера никогда не видела, чтобы взрослый человек ломался так тихо.

Серефина прижала ладонь ко рту. Её плечи дрогнули, но она не издала ни звука. Она смотрела на девочку, которую родила, которую пыталась спасти и которая теперь даже не знала, кем та ей приходилась.

Тень снова двинулась.

— Довольно! — крикнула Вера.

Она не знала, к кому обращается. К тени, к существу за ней, к самой смерти или к той части мира, которая решила, что может переписывать чужие жизни.

Но её голос прозвучал отчётливо.

Тень остановилась.

Вера почувствовала, как под кожей ладони зашевелилось знакомое покалывание. То самое, которое возникало, когда она касалась мёртвых и видела последние мгновения их жизни. Только сейчас перед ней не было ни тела, ни костей, ни капли крови.

Была пустота.

И пустота узнала её.

Вера вытянула руку.

— Ты хочешь имя? — спросила она.

— Вера, не надо! — крикнул Элиас.

Каэл схватил её за запястье.

— Не делай этого.

Она посмотрела на него. В его глазах не было воспоминания о ней, но страх был настоящим.

— Ты не знаешь, что я собираюсь сделать, — сказала она.

— Именно поэтому и прошу не делать.

На миг Вера почти улыбнулась. В прежней жизни он сказал бы что-нибудь другое: приказал бы ей отойти, попытался бы заслонить собой, решил бы за неё, что она должна выжить. Теперь он просил.

Это было честнее.

И всё же она высвободила руку.

— Я не отдам ему своё имя.

— Тогда что ты собираешься отдать? — спросила Серефина.

Вера посмотрела на тень.

— Ничего. Я хочу узнать, чего он боится.

Она опустила на колени и коснулась камня рядом с безголовой фигурой.

Мир раскрылся.

Не вспышкой, не привычным видением, а медленно, словно кто-то раздвигал тяжёлые занавеси в комнате, где не было окон.

Вера увидела бесконечную темноту. В ней плавали тысячи серебряных нитей, каждая из которых тянулась к человеческому лицу. Одни нити были яркими, другие едва заметно мерцали. Некоторые обрывались, и тогда лицо исчезало — не умирало, не превращалось в прах, а теряло само право когда-либо существовать.

В центре темноты стоял ребёнок.

Мальчик с деревянной лошадкой.

Только теперь лошадка была сломана, а сам мальчик казался гораздо старше, чем раньше. Его лицо оставалось детским, но в глазах отражались годы, которых не должно было быть у ребёнка.

— Ты снова пришла, — сказал он.

Вера попыталась ответить, но не смогла пошевелить губами.

— Ты ищешь имя последней дочери. А надо было искать первое.

Мальчик поднял сломанную лошадку.

— Потому что тот, кто живёт в именах, не крадёт их.

Вера почувствовала, как темнота сжимается вокруг неё.

— Он заставляет мир поверить, что имени никогда не существовало.

За спиной мальчика возникла дверь. Белая, гладкая, без ручки. На ней проступили три красных узелка.

— Что находится за дверью? — беззвучно спросила Вера.

Мальчик посмотрел на неё с печальной нежностью.

— Ты.

Вера рванулась назад.

Видение рассыпалось.

Она обнаружила себя на каменной лестнице, тяжело дышащей, с окровавленной ладонью. Каэл стоял перед ней на коленях, одной рукой придерживая её за плечи. Элиас удерживал тень, а Серефина прижимала к себе девочку.

Безголовая фигура исчезла.

Вместе с ней пропала и серебряная пуговица.

Но на ступени осталась надпись, выжженная прямо в камне:

ПЕРВАЯ ДОЧЬ УЖЕ ОТКРЫЛА ДВЕРЬ.

Вера медленно подняла голову.

— Что это значит?

Никто не ответил.

Серефина смотрела на надпись так, словно перед ней лежало свидетельство о собственной казни.

Элиас опустил руку. Чёрное кольцо на его пальце треснуло, и из трещины потекла кровь.

Каэл помог Вере подняться. Его пальцы дрожали.

— Ты видела что-то, — сказал он. — Что именно?

Вера хотела рассказать о мальчике, о двери, о тысячах нитей и лицах, исчезавших из мира. Но прежде, чем она успела заговорить, Серефина схватила её за руку.

— Послушай меня внимательно. — Голос женщины стал почти шёпотом. — Что бы ты ни увидела, кем бы себя ни считала, не открывай вторую дверь.

— Где она?

Серефина посмотрела на Веру, и в её глазах Вера впервые увидела не страх за безымянную дочь, а страх за неё саму.

— В тебе.

Вера отдёргнула руку.

— Вы ошибаетесь.

— Хотела бы я.

— Я не понимаю, о чём вы говорите.

— Пока не понимаешь. И это единственное, что ещё может тебя спасти.

— От кого?

Серефина не успела ответить.

Из глубины дворца донёсся звон.

Один удар.

Не колокольный — слишком низкий, слишком близкий. Казалось, звук родился прямо внутри костей.

Каэл резко обернулся. На его лице появилось выражение человека, который услышал собственное имя, произнесённое чужим голосом.

— Что это? — спросил он.

Серефина закрыла глаза.

— Он нашёл дорогу.

— Куда? — спросила Вера.

Женщина открыла глаза и посмотрела прямо на неё.

— К тебе.

А затем Каэл отступил на шаг.

Вера увидела, как его взгляд скользнул по её лицу, задержался на окровавленной ладони, на волосах, на глазах — и стал пустым.

Он смотрел на неё так, словно пытался вспомнить незнакомку, которую встретил много лет назад.

— Простите, — произнёс он. — А вы кто?

Вера не ответила.

Потому что в ту же секунду поняла: на этот раз он забыл не её имя.

Он забыл, что она вообще существовала.

Глава 8

Простите, а вы кто?

Каэл произнёс это без враждебности. Даже с некоторой неловкостью, словно боялся обидеть незнакомую женщину, случайно оказавшуюся рядом в дурную минуту.

Вера смотрела на него и не могла выговорить ни слова.

Она знала, что такое забытое имя. Видела пустые страницы в архиве, надгробия без надписей, людей, которые плакали над могилами и не могли объяснить, кого потеряли. Она понимала, как исчезает память: сначала стирается имя, затем лицо, потом голос, и однажды остаётся лишь смутное ощущение, что в мире недостаёт чего-то важного.

Но она не представляла, что это будет выглядеть так.

Каэл не пытался вспомнить её. Не морщил лоб, не всматривался в её лицо, не искал в глубине сознания хоть какую-нибудь зацепку. Он просто смотрел на неё, как смотрят на случайного прохожего, который почему-то оказался рядом.

В его мире Веры не было.

— Ты ведь только что держал меня за плечи, — сказала она.

— Да. Вы упали.

— Ты испугался.

— Разумеется. Вы едва не разбили голову о камни.

— И тебе совершенно неинтересно, почему?

Каэл нахмурился.

— Интересно. Но я не понимаю, какое отношение это имеет к тому, знакомы мы или нет.

Вера усмехнулась.

Получилось плохо. Губы послушались, а лицо — нет.

— Никакого. Конечно.

Она отвернулась прежде, чем он успел заметить, как дрогнул её подбородок.

Ей хотелось ударить его. Не за то, что он забыл. Он не выбирал этого, и Вера знала, что не имеет права обвинять его в чужой жестокости. Но ей хотелось хотя бы на секунду заставить его почувствовать ту боль, которая разрывала её изнутри. Хотелось, чтобы он посмотрел на неё и понял, что потерял не случайную знакомую, а человека, ради которого когда-то отказался от собственной смерти.

И тут же ей стало стыдно.

Каэл уже однажды отдал слишком много, пытаясь спасти её. Теперь мир продолжал взыскивать долг, хотя его самого давно следовало оставить в покое.

— Вера, — произнесла Серефина.

Вера резко повернулась.

— Вы помните моё имя?

— Конечно.

— Тогда хотя бы одно из нас пока ещё существует.

Серефина побледнела.

— Не говори так.

— Почему? Это правда. По крайней мере, пока вы меня помните.

— Я помню тебя не потому, что мир разрешает мне это делать.

— А потому, что вы сильнее его?

— Нет. — Серефина покачала головой. — Потому что я уже заплатила за эту память.

Вера хотела задать следующий вопрос, но Каэл шагнул между ними.

— Простите, — сказал он Серефине. — Я не намерен вмешиваться в семейные дела, о которых ничего не знаю, но мне кажется, нам стоит объяснить происходящее. Особенно если оно касается меня.

— Тебя это касается больше, чем ты думаешь, — ответила женщина.

— Судя по всему, сегодня меня касается всё.

— Каэл...

— Нет. — Он поднял ладонь. — Я не знаю, кем вы мне приходитесь. Не знаю, почему эта девочка считает меня братом, почему Элиас говорит, что я хранил её имя, и почему незнакомая мне женщина утверждает, что держала меня на руках. Я готов выслушать объяснения. Но не собираюсь делать вид, будто понимаю происходящее.

Впервые за всё время Серефина посмотрела на него не как на сына, которого потеряла, а как на взрослого мужчину, которого ей предстояло узнать заново.

— Ты прав, — тихо сказала она. — Я слишком долго принимала молчание за защиту. И слишком часто решала за других, какую правду они способны вынести.

— Тогда начните с правды.

Серефина посмотрела на Веру.

— Сначала нам нужно войти во дворец. Здесь нельзя оставаться.

— Почему? — спросила Вера. — Потому что существо, которое живёт в именах, теперь знает, где я нахожусь?

— Оно знало это и раньше.

— Тогда почему оно напало только сейчас?

— Потому что ты открыла дверь.

Вера вспомнила слова мальчика с деревянной лошадкой.

Первая дочь уже открыла дверь.

— Я ничего не открывала.

— Ты коснулась пустоты, — сказала Серефина. — И позволила ей увидеть тебя.

— Что именно она увидела?

Женщина замолчала.

Вера почувствовала, как раздражение снова поднимается в ней, вытесняя страх.

— Если вы собираетесь отвечать на каждый вопрос загадкой, предупреждаю: у меня закончилось терпение.

— Я не знаю, что именно оно увидело. — Серефина говорила медленно, подбирая слова. — Но знаю, что оно искало тебя задолго до твоего рождения.

— Это невозможно.

— Для обычного существа — да.

— А для того, которое существовало до первого имени?

Серефина не ответила.

Вера посмотрела на неё внимательнее. Женщина не просто боялась. Она пыталась скрыть что-то, что могло изменить всё, что Вера до сих пор считала правдой.

— Хорошо, — сказала Вера. — Допустим, я поверю, что оно искало меня до рождения. Тогда почему я выросла в Нижнем городе? Почему меня воспитывала другая женщина? Почему никто не сказал мне, что у меня есть сестра?

— Потому что ты должна была прожить жизнь, которая принадлежала тебе.

— А теперь?

— Теперь эта жизнь оказалась на границе двух миров.

— И кто поставил меня на эту границу?

Серефина опустила глаза.

— Я.

Ответ прозвучал так просто, что Вера на мгновение растерялась.

Она ожидала оправданий, рассказов о проклятиях, королевских приказах и жертвах, без которых нельзя было обойтись. Но Серефина не пыталась переложить ответственность на судьбу.

— Зачем? — спросила Вера.

— Чтобы ты могла вырасти.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

— Вы удивительно похожи на всех, кто когда-либо лгал мне во имя моего же блага.

Серефина приняла удар молча.

И именно это заставило Веру почувствовать себя хуже.

Во дворец они вошли через боковую дверь, которую Элиас открыл прикосновением чёрного кольца.

За ней начинался длинный коридор, освещённый тусклыми лампами. Когда-то стены, должно быть, украшали портреты королей и королев, но теперь от рам остались лишь тёмные прямоугольники. На полу лежали обрывки ткани, осколки стекла и старые листы бумаги. В нескольких местах каменная кладка покрылась серебристым налётом, похожим на иней.

Здесь было холоднее, чем снаружи.

Вера провела пальцами по стене. Под ладонью что-то едва заметно дрогнуло.

Она отдернула руку.

— Что это?

— Следы стирания, — ответил Элиас. — Когда имя исчезает, мир пытается избавиться от всего, что с ним связано. Сначала исчезают записи. Затем предметы, которые принадлежали человеку. Потом комнаты, дома, улицы. Если процесс не остановить, пропадает даже место, где человек жил.

— Значит, Вейрхольм исчез не потому, что его жители забыли друг друга?

— Они забыли друг друга первыми, — сказал Элиас. — Но город исчез не сам по себе.

— Его стёрли?

— Да.

Вера посмотрела на длинный коридор.

— И сколько городов уже исчезло?

— Никто не знает.

— А сколько ещё исчезнет?

Элиас не ответил.

— Вы ведь понимаете, что молчание не делает происходящее менее страшным?

— Понимаю. Но есть вещи, которые лучше не произносить вслух, пока не знаешь, кто слушает.

— Тогда зачем вы вообще разговариваете?

— Потому что мы уже слишком долго молчали.

Впереди раздался шорох.

Каэл мгновенно вытащил нож и заслонил собой девочку. Движение было быстрым, привычным, почти бездумным. Он сделал это прежде, чем успел решить, нужно ли защищать незнакомку.

Вера заметила.

И почему-то именно это причинило ей новую боль.

— Что там? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Каэл.

Из-за поворота вышел старик в дворцовой ливрее. Он был худым, сутулым, с совершенно седыми волосами. В руках он держал подсвечник, хотя все свечи в нём давно сгорели.

Увидев их, старик остановился.

— Ваше Величество?

Он смотрел на Серефину.

Женщина медленно кивнула.

Старик уронил подсвечник.

— Вы вернулись...

— Да, Томас.

Он заплакал.

Не громко, не пытаясь скрыть слёзы. Просто закрыл лицо руками и заплакал так, как плачут люди, которые слишком долго считали своё горе безнадежным.

— Я ждал, — прошептал он. — Всё это время ждал.

Серефина подошла к нему и коснулась его плеча.

— Прости меня.

— Я думал, вы умерли.

— Для многих — да.

— А принцесса...

Старик осёкся.

Вера заметила, как изменилось лицо Серефины.

— Какая принцесса? — спросила она.

Томас посмотрел на Веру.

На мгновение в его глазах вспыхнуло узнавание. Он открыл рот, будто собирался произнести имя, но затем растерянно нахмурился.

— Я... не помню.

— Кого вы не помните? — спросила Вера.

Старик потряс головой.

— Здесь была девочка. Маленькая. Она любила прятаться в кладовой за кухней. Я приносил ей яблоки, а она отдавала мне половину, потому что говорила, будто старикам нужно больше еды. — Он слабо улыбнулся. — Глупая была девочка. Упрямая. Совсем как...

Он снова замолчал.

— Как кто? — спросила Вера.

Томас посмотрел на Серефину.

— Как вы, Ваше Величество.

— Это была ваша дочь? — тихо спросила Вера.

Серефина закрыла глаза.

— Да.

— Последняя?

Женщина не ответила.

Но девочка, стоявшая рядом с Каэлом, вдруг схватилась за голову.

— Я помню яблоки, — прошептала она. — Красные. В корзине. И старика, который прятал их в рукаве.

Томас посмотрел на неё.

Его губы задрожали.

— Принцесса...

Он сделал шаг вперёд, но остановился, словно не был уверен, что имеет право приблизиться.

— Вы меня помните? — спросила девочка.

— Я... — Старик прижал ладонь к груди. — Я помню, что любил вас.

Девочка заплакала.

Это были первые настоящие слёзы, которые Вера увидела на её лице.

— Тогда почему вы не помните моего имени?

Томас не смог ответить.

Серефина отвернулась.

Вера поняла, что больше не может смотреть на них. Не потому, что происходящее было невыносимым, а потому, что за каждым человеком здесь стояла одна и та же пропасть. Кто-то помнил любовь, но не помнил того, кому она принадлежала. Кто-то помнил голос, но не лицо. Кто-то продолжал ждать человека, которого мир уже вычеркнул из собственного прошлого.

И всё это время Вера считала, что самое страшное — потерять память о матери.

Теперь она понимала: ещё страшнее, когда мир продолжает помнить твою любовь, но отнимает у неё адрес.

Серефина отвела их в небольшую комнату, где когда-то хранились королевские книги.

На столе лежала раскрытая карта дворца. Большая её часть была выцветшей, а в западном крыле зияло белое пятно, на котором не было ни линий, ни обозначений.

— Что это? — спросила Вера.

— Место, которого больше нет, — ответил Элиас.

— Удобно. У вас во дворце целые крылья могут исчезать, а вы называете это местом.

— Оно не исчезло полностью, — сказала Серефина. — Пока ещё нет.

Она указала на белое пятно.

— Здесь находились детские покои. Там жили мои дочери.

Вера посмотрела на девочку.

Та стояла у окна и рассматривала своё отражение в стекле. Иногда она проводила пальцами по запястью, где ещё недавно были три красных узелка. Теперь кожа казалась совершенно гладкой.

— Значит, здесь мы найдём её имя? — спросила Вера.

— Возможно.

— А если найдём?

— Не произносите его, — резко сказал Элиас.

— Почему?

— Потому что имя — это не только способ узнать человека. В вашем случае оно может стать ключом, который откроет дверь с обеих сторон.

Вера вспомнила видение.

Белая дверь. Три красных узелка. Мальчик, который сказал, что за дверью находится она сама.

— Какую дверь?

Элиас посмотрел на неё.

— Ту, которую ты уже открыла.

— Вы знали, что это произойдёт?

— Я знал, что рано или поздно это случится.

— И ничего не сделали?

— Я пытался.

— Как? Спрятали ребёнка? Позволили Каэлу забыть её? Отправили меня жить с женщиной, чьё лицо теперь исчезает из моей памяти?

— Я не принимал всех этих решений.

— Но вы знаете, кто принимал.

Элиас сжал челюсти.

— Да.

— Тогда скажите.

— Не здесь.

Вера резко рассмеялась.

— Конечно. Не здесь, не сейчас, не вслух. У вас у всех удивительный талант превращать правду в обещание, которое никто не собирается выполнять.

— Вера, — тихо произнесла Серефина.

— Нет. Я хочу знать, почему эта девочка лишилась имени. Почему Каэл потерял память. Почему вы называете меня первой дочерью, хотя я выросла в Нижнем городе. И почему существо, которое не должно было существовать, считает меня настолько важной, что готово стереть ради меня половину мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.